

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3

1. Старая школа.

1. Скрытая форма эксплуатации в капиталистическом обществе и двойственность идеологии этого общества . .	5
2. Разделение труда в капиталистическом производстве . .	23
3. Специализация в сфере умственного производства и структура старой школы	35

II. Новая школа.

4. Социальная характеристика пролетариата и основные черты безклассового общества	49
5. Основные черты новой школы	54
6. Комплексный метод и его значение	66

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящее время происходит интенсивная работа по реорганизации внутренней структуры нашей Советской школы—в области составления новых программ, учебных планов, методов преподавания и т.д.

Работа—больше чем своевременная; надо сознаться, что революция на третьем фронте, на фронте просвещения, еще не произошла, хотя определенный сдвиг со старых рельс несомненно имеется.

Настоящая брошюра является попыткой подвести некоторый теоретический фундамент под эту работу, а также раскрыть то социологическое содержание, которое выявляется в настоящее время в целом ряде мероприятий Советской власти в области школьной политики, и, тем самым, быть может, наметить пути, по которым должны вестись дальнейшие искания.

В составлении брошюры существенную помощь оказал автору тов. Суница Л. Б., который, кроме того, просмотрел рукопись брошюры и сделал весьма ценные указания.

Работа, по необходимости, носит спешный характер, поэтому не лишена недостатков, которые автор сознает.

Если данная брошюра окажется не бесполезной в том отношении, что даст толчок к дальнейшей коллективной разработке и углублению намеченных ею проблем, автор будет считать свою задачу выполненной.

1.

Старая школа.

1. Скрытая форма эксплуатации в капиталистическом обществе и двойственность идеологии этого общества.

«Чем более культурно было буржуазное государство, тем более утонченно оно лгало, утверждая, что школа может стоять вне политики и служить обществу в целом. На самом деле школа была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии, она была вся пропитана кастовым буржуазным духом, она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих».

Ленин. Речь на I-м Всероссийском съезде по просвещению).

Система воспитания молодого поколения не является чем-то изолированным, самодовлеющим; выливаясь в сеть учреждений, школ, она составляет неразрывную часть того социологического целого, каким является человеческое общество.

Школа, в широком смысле слова, отражает в основном структуру общества своего времени и, выполняя определенную общественную функцию, с своей стороны, не остается без влияния на само общество, закрепляя и утверждая данную систему общественных отношений.

Школа буржуазно-капиталистического общества являлась в то же время центром «духовной» культуры, отражая формы общественного сознания; поэтому вся внутренняя учебно-академическая жизнь ее была копией, осколком «духовной» жизни общества вообще.

Объяснить эволюцию школы, ее рост, изменение можно только тогда, когда будут изучены более глубокие процессы, происходящие в недрах общества, — процессы, связанные с изменением производственных отношений, являющихся неизбежным следствием изменений в способах производства.

Под старой школой мы подразумеваем школу ближайшего к нам прошлого, неизжитую еще и до настоящего времени, школу буржуазно-капиталистического общества.

Чтобы понять старую буржуазную школу, чтобы выявить ее сущность, необходимо разобраться в основных социологических категориях буржуазно-капиталистического общества.

Капиталистическое общество — классовое общество, основанное на эксплуатации одного класса другим.

Но эта характеристика совершенно не достаточна: помещичье-крепостное общество — тоже классовое общество, — необходимо найти *отличительные черты капиталистического общества, характерные только для него, свойственные только этому строю общества.*

При рассмотрении капиталистического общества необходимо иметь в виду, что отличительной особенностью социологических категорий этого общества является то обстоятельство, что, выражаясь высоким стилем, нумен и феномен не совпадают друг с другом: содержание явлений и их внешнее проявление не покрывают один другого, а противоположны один другому.

Этой особенности капиталистического общества не могли постигнуть буржуазные социологи. Наиболее глубокий анализ данного явления принадлежит К. Мар-

кеу: «Формы воспроизводятся непосредственно, самопроизвольно, как ходячие мыслительные формы, основа же их должна быть еще открыта наукой»*)).

Эту двойственность, двусторонность общественных явлений капитализма особенно энергично разоблачал В. И. Ленин в целом ряде своих политических выступлений: «тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата», «об обмане народа лозунгами свободы и равенства»**) и другие.

Без уяснения этого основного признака — двойственного характера общественных явлений — нельзя уяснить правильно ни одной социальной категории капитализма: двойственный характер социальных категорий охватывает всю структуру этого общества, все его отдельные формы, всю государственно-правовую и идеологическую надстройку.

С этой точки зрения необходимо подойти к анализу старой буржуазной школы.

«Старая школа заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще»***).

Второе — школа стоит вне политики и служит обществу в целом». Последнее — «школа одинаково доступна для каждого». Таковы основные черты старой школы, если верить заявлениям представителей буржуазии. На первый взгляд все эти заявления имеют видимость истины.

Так ли это? Попробуем проникнуть в содержание этих утверждений.

Начнем с основного: школа стоит вне политики, вне партий; школа — храм науки, где ученые служат «чистой» беспристрастной истине, которая стоит выше всяких житейских невзгод и тревожений. Истина —

*) К. Маркс. Капитал I, стр. 383.

**) См. Ленин — Избран. статьи и речи, том IV, стр. 8, 83 и друг.

***) Ленин. Речь на III съезде РКСМ.

абсолютна; она не идет ни за какой партией; истина — ценность высшего порядка, ценность сама по себе, вне зависимости от классовых и групповых интересов. Ученый — жрец науки, служитель истины, хранитель чистоты знания и т. д. — Вот наиболее излюбленные заявления официальных представителей официальной университетской науки. Этими «священными» лозунгами реакционная часть профессуры, между прочим, — в первое время после Октябрьской революции, — покрывала свое нежелание допустить в университет Советскую власть, так как политика в школе может «дискредитировать беспристрастную науку».

Подобные мысли, к сожалению, не окончательно выветрились из высшей школы и в настоящее время: жалобы на засилье марксизма, на «удушение свободной» научной мысли, в особенности в области общественных наук — не прекратились и до сих пор.

Все эти заявления, повторяем, имеют видимость истины.

В самом деле, разве математические выводы зависят в какой-либо мере от того, какая партия стоит у власти, какой образ правления существует в стране? Разве свойства электричества будут другие при другом общественно-политическом строе? и т. д. Вот вопросы, которые требуют научного, социологического разрешения.

Дальше — «школа создает человека всесторонне образованного».

Если обратиться к программам прежних средних и высших школ, то приходится удивляться, как вмещали головы учащихся ту массу «наук», которые преподавались в старой школе. Одно перечисление предметов или «кафедр» займет несколько страниц; тут представлены все отрасли человеческого знания: естествознание с его разветвлениями, все подразделения математики, широко были представлены гуманитарные науки; в классических гимназиях и на соответствующ-

щих факультетах университетов не забывалась и классическая древность—латинский, греческий языки и т. д.

Во всяком случае, для упреков в односторонности, как будто, не было оснований.

В средней школе ученику давали «общее» развитие, в высшей школе—студент окончательно отшлифовывался, специализируясь в определенной отрасли знания.

За этой внешней словесной оболочкой необходимо найти действительное *внутреннее* содержание.

Равенство... О каком равенстве может идти речь в классовом обществе?

Нам отвечают — «все равны перед законом».

Вот здесь то и начинается расхождение, начинается двойственность, противоречие между внешней формой и действительным содержанием. Равенство писаное, по закону, на словах, вопреки, быть может, законам математики, не равно фактическому равенству, равенству в жизни, на деле, ибо... существует имущественное неравенство, неравенство людей в отношении их к средствам производства; отсюда деление людей на классы, то-есть на имеющих средства производства и не имеющих, на буржуазию и пролетариат, которые, конечно, не равны между собою. Владелец средств производства и владелец единственного товара — рабочей силы — полярны между собою и противостоят друг другу, как две части единого общественного отношения, именуемого капиталом, части, одинаково необходимые для данного отношения, но противоположные друг другу. К. Маркс самым беспощадным образом высмеивал это «равенство» в отношениях двух товаровладельцев — владельца средств производства — капиталиста с одной стороны, и «тоже товаровладельца», владельца своей рабочей силы в качестве товара — пролетариата с другой стороны*).

*) См. Капитал, том I стр. 118.

Отсюда — все качества... Рабочий, по закону, мог обучать своих детей в гимназии (прямого запрещения на этот счет в законе не было), но рабочий не мог воспользоваться своим правом, потому что у него не было средств содержать своих учащихся детей. Таким образом, и закон был соблюден, и «кухаркины дети» не допускались в гимназию. Когда этого экономического препятствия было не достаточно, российское самодержавие не стеснялось и прибегало к прямым, как мы помним, запрещениям доступа в школу «кухаркиным детям».

— «Школа вне политики».

Во-первых, стоять вне политики есть тоже своеобразная политика, политика пассивного сопротивления, ибо нельзя быть вне политики вообще, можно быть вне определенной, конкретной политики, политики данного времени, то-есть оказывать пассивное сопротивление определенным мероприятиям данной государственной власти

Этот лозунг аполитичности школы был в свое время для либеральной буржуазии и ее университетских представителей — г.г. профессоров — средством пассивного сопротивления против грубого, частью чрезвычайно невежественного (вспомним историю Казанского университета!) вмешательства феодально-дворянской власти в жизнь университета, когда ученые обязаны были даже при математических доказательствах прибегать к фетишу божественной силы («Если два треугольника при наложении совпадают, то они... с божьей помощью, — равны»).

При таких условиях единственным средством отгородить себя от отживающей дворянской власти была политика пассивного сопротивления, политика «стоять вне политики».

По мере развития в России капитализма, а, следовательно, и укрепления буржуазии, тактика была изме-

нена: школа имела свою активную политику, анализ которой мы дадим ниже.

Последнее положение — школа готовит всесторонне образованного человека, она учит наукам вообще, дает так называемое общее развитие.

Образованного человека «вообще» не существует, есть образованный человек данного общества, данной эпохи.

При буржуазно-классовом обществе в понятие «образованный человек» вкладывали определенное содержание: человек определенного «высшего общества», определенного «круга», с определенными, требующимися для данного «круга людей» — знаниями, понятиями, убеждениями, взглядами и т., д., — словом, под всесторонне образованным человеком подразумевался человек буржуазного общества, принадлежащий к классу буржуазии. Буржуазия готовила нужных для себя людей, пригодных ей, как классу, а вовсе не универсального человека, стоящего над классами, вне классов и т. д.

В классовом обществе иначе и быть не может: человек не может не принадлежать к тому или иному классу.

Господствующий класс общества, обычно, считает свою культуру культурой общечеловеческой; буржуазия считает капиталистический строй вечным строем, соответствующим человеческой природе, и свою культуру культурой общечеловеческой.

Такого же мнения держалось буржуазное общество и относительно своей школы.

Откуда-же, однако, эта характерная двойственность, эта скрытая ложь во всех проявлениях буржуазного общества. Где причина этого явления?

Основной структурой общества является его экономическая структура — производственные отношения, которые суть не что иное, как отношения между классами.

Отношения между классами суть отношения эксплуатации.

Капиталистическое общество, как мы знаем,— эксплуататорское общество, однако, форма эксплуатации при капитализме коренным образом отличается от докапиталистических, и эта особая форма накладывает свой отпечаток на все другие отношения буржуазно-капиталистического общества.

Как известно, под эксплуатацией подразумевается безвозмездное присвоение прибавочного труда одного класса другим классом.

Возьмем крепостное хозяйство. О форме эксплуатации в крепостном обществе К. Маркс пишет: «При барщинном труде труд крестьянина на самого себя и его принудительный труд на помещика различаются между собою совершенно осязательно во времени и пространстве*), три дня в неделю, предположим, крестьянин работает для себя на своем поле и три дня для помещика — на барском.

То же самое при оброчной системе: часть своего продукта, прибавочный продукт, крестьянин, по закону, обязан отдать помещику. В обоих этих случаях эксплуатация носила открытый характер, эксплуатация утверждалась самим законом**).

Присвоение помещиком прибавочного продукта своих крепостных происходило, так сказать, на всех законных основаниях, чисто принудительным, открыто-грабительским путем.

Этой экономической структурой крепостного общества определялась и вся идеология общества: человек — это помещик, барин; для него и только для него существовали все блага материальной и духовной культуры: наука, литература, искусство, школа и так далее.

*) Капитал, том I, стр. 382.

**) «А кто тебе дал власть над ними?—Закон»—Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву».

Государственная власть принадлежала также только помещикам и т. д.

Наоборот, крестьяне — это существа низшего порядка, нечто среднее между рабочим скотом и человеком; для них недоступны блага культуры, недоступна им была и школа.

Когда говорили о тогдашнем российском обществе, общественном мнении и т. д., то, конечно, имели в виду дворянское общество, дворянское общественное мнение. Вся культура крепостного периода совершенно открыто носит дворянскую окраску.

Этот факт настолько общеизвестен, что вряд ли нуждается в пояснениях.

И только к шестидесятым годам 19 века, когда окрепшее в недрах крепостного общества крупное фабричное производство на принудительном труде потребовало для своего дальнейшего развития «свободную» рабочую силу, — в дворянское общество стала проникать мысль о крестьянине, как о человеке.

Вспомним, что в России, примерно, к Тургеневу и его времени относится «научное открытие», что крестьянин — «тоже человек»^{*)}. До этого времени эта «научная истина» находилась вне сознания господ помещиков и существовала, так сказать, «в себе и для себя», — выражаясь по Кантовски.

Совсем не то при капитализме. Рабочий, создающий прибавочную ценность для капиталиста, — наемный рабочий; он — юридически — свободный человек, равный капиталисту, как гражданин.

«Свобода» договора при найме закрывает истинную сущность капиталистического отношения. Труд наемного рабочего — не бесплатный труд. Заработная плата

^{*)} Строго исторически — это, разумеется, не точно. Еще А. Н. Радищев писал: «И ты думаешь, что кусок хлеба и кусок сукна дают право поступать с подобным тебе, как с Кубарем?» (Путешествие из Петербурга в Москву). Но публицистически эпоха взята, пожалуй, правильно.

рабочего, как плата за его труд, являясь по форме ценою этого труда, создает видимость, что рабочий получает полную цену затраченного им в капиталистическом производстве труда.

«Форма заработной платы уничтожает, следовательно, всякий след разделения рабочего дня на необходимый труд и прибавочный труд, на оплаченный труд и неоплаченный труд»).

Потребовался гениальный анализ К. Маркса, чтобы выявить, что заработная плата является ценою рабочей силы, а не ценою труда; что «цена труда» — выражение иррациональное; что необходимо отличать стоимость рабочей силы от стоимости созданного ею продукта, рабочую силу от ее функционирования.

По этому вопросу Маркс говорит следующее: «То, что она (политическая экономия — Т. К.) называет ценностью труда, есть на самом деле ценность рабочей силы, существующей в рабочем и отличающейся от своей функции, труда, так же, как машина отличается от своих операций... Это непонимание результатов своего собственного анализа, принятие без всякой критики категорий «ценность труда», «естественная цена труда» и так далее за последние адекватные выражения рассматриваемого отношения ценности — запутали классическую политическую экономию в неразрешимые противоречия, дав в то же время вульгарной экономии верный операционный базис для ее плоских рассуждений, *принципиально признающих только видимость явлений, а не их существо**)* (курсив наш. Т. К.).

Продукт, созданный функционирующей рабочей силой — трудом, и сама рабочая сила — ценности неравные: ценность продукта выше ценности создавшей его рабочей силы. Ценности этих величин объясняются различными причинами: ценность рабочей силы зави-

*) Капитал, I стр. 381—382.

**) Там же, стр. 381.

сит от ценности ее воспроизводства, то-есть от минимума средств существования рабочего, а ценность продукта, ею созданного,—от продолжительности функционирования рабочей силы и от общественно-технических условий производства*).

Приведем слова Маркса: «Прошедший труд, заключающийся в рабочей силе, и живой труд, который она может выполнить, ее ежедневные средства существования и ее ежедневная трата — две совершенно различные величины. Первая определяет ее меновую ценность, вторая составляет ее потребительную ценность. То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в продолжении 24 часов нужно только пол-рабочего дня, нисколько не мешает ему работать целый день. Ценность рабочей силы и ее эксплуатация в процессе труда, следовательно,—две различные величины. Это различие в ценности капиталист и имел в виду, когда покупал рабочую силу»...

«Решающее значение имела здесь специфическая потребительная ценность этого товара (рабочей силы—Т. К.), то-есть его способность быть источником ценности, и притом — большего количества ценности, чем та ценность, которую он сам имеет. В этом и заключается специфическая услуга, которую капиталист ждет от рабочей силы. И при этом он поступает сообразно с вечными законами товарного обмена**).

Капиталист покупает рабочую силу, а получает труд,—потребительную ценность рабочей силы. Следовательно, эксплуатация, с падением крепостного права, не отпала, а *приняла другую форму—скрытую форму, стала не видима для поверхностного наблюдения.*

*) Само собою понятно, что возможность всякой эксплуатации базируется на известной степени развития производительности труда.

**) Капитал I, стр. 121.

Но сущность осталась та же: труд рабочего, как и труд крепостного, разделяется на две части — необходимый труд и прибавочный труд, оплаченный и неоплаченный; первый воспроизводит стоимость рабочей силы: рабочий создает ценность, равную ценности заработной платы; второй — прибавочный труд, — создает прибавочную ценность для капиталиста. *Изменилась только форма рабства: рабство открытое, оформленное юридически сменилось наемным рабством;* содержание осталось тоже — эксплуатация одного класса другим.

Самая форма заработной платы — повременная и сдельная (по-штучная) окончательно закрывает действительное содержание данного общественного отношения: поденная плата — в самом названии указывается, что плата производится за весь день, при этом совершенно ускользает от внимания, что часть рабочего дня не оплачивается; поштучная — сдельная форма — показывает, что оплачивается весь труд, потраченный на изготовление данной вещи, данной штуки товара.

«К тому же действительное движение заработной платы», говорит Маркс, «обнаруживает явления, которые как будто доказывают, что оплачивается не ценность рабочей силы, но ценность ее функционирования, то-есть самого труда. Эти явления могут быть сведены к двум большим классам. Во-первых, изменения заработной платы, в связи с изменениями продолжительности рабочего дня. Можно было бы также правильно заключить, что оплачивается ценность не самой машины, а ее операций, так как стоит дороже нанять машину на неделю, чем на день. Во-вторых, индивидуальная разница в заработной плате различных рабочих, исполняющих одну и ту же функцию.

Такие же индивидуальные различия усматриваются, не давая никакого повода к иллюзиям, и в системе

рабства, где продается совершенно свободно, без всяких прикрас и околичностей, сама рабочая сила»^{*)}).

Итак, основная черта капиталистического общества, наиболее характерная для него, заключается в своеобразной форме эксплуатации — *эксплуатация носит скрытый характер.*

«Не трудно поэтому понять громадную важность превращения ценности и цены рабочей силы в форму заработной платы или в ценность и цену самого труда. На этой форме проявления, которая делает действительное отношение невидимым и показывает прямо противоположное, покоятся все правовые представления рабочего и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все его иллюзии относительно свободы, апологетические увертки вульгарной экономии»^{**)}. (Курсив наш. Т. К.).

Основной мистификацией буржуазии и ее ученых представителей является утверждение, что в буржуазно-капиталистическом обществе эксплуатации не существует, что прибыль происходит не от присвоения продукта неоплаченного труда рабочих, а от удачных коммерческих операций в сфере обмена — дороже продал, чем купил и т. д.

На этом базисе — скрытой форме эксплуатации — основана двойственность, ложь всей правовой, политической надстройки; ложь и лицемерие проникают всю духовную культуру буржуазии, ее частный быт; ложь, двойственность — отражается и на школе.

Укажем на основное, начнем с ближайшей надэкономическим базисом надстройки — с государственной власти.

В настоящее время наиболее распространенной формой государственного устройства в буржуазно-капиталистических странах является парламентская

^{*)} Капитал I, стр. 383.

^{**)} Капитал I, стр. 382.

демократия, которая декларирует для всего населения целый ряд свобод: свободу печати, свободу собраний, всеобщее равенство и так далее.

Лозунг — демократия — является одним из аргументов для оправдания власти эксплуататоров. «Лживость и лицемерие подобного аргумента... ясны каждому, кто не хочет стать предателем принципов социализма», говорит Ленин.

«Аргументация эта прежде всего оперирует с понятием «демократия вообще»... Ни в одной цивилизованной стране не существует «демократий вообще, а существует лишь буржуазная демократия»*).

Таким образом, и здесь мы видим ту же двойственность: внешняя видимость явления — демократия вообще, демократия для всего народа и так далее, и внутреннее действительное содержание — демократия только для буржуазии. «Всеобщая демократия» является только ширмой, прикрывающей, затемняющей действительные отношения эксплуатации; внешний гражданский мир пытается сгладить непримиримые классовые противоречия.

Одним из лозунгов «чистой демократии» может служить «свобода собраний». Но рабочие отлично знают, что «свобода собраний» является пустым звуком даже в самых демократических буржуазных республиках, так как в распоряжении богачей имеются лучшие общественные и частные здания, имеется и достаточное количество свободного времени, и они пользуются защитой буржуазного аппарата власти**). Следовательно, свобода собраний фактически существует только для буржуазии, сколько бы ни кричали ее апологеты о «свободе собраний для всех».

«Свобода печати» также служит одним из главных лозунгов «чистой демократии». Тем не менее рабочие

*) Ленин. Тезисы о буржуазной демократии

**) Там-же

знают, что эта свобода—обман до тех пор, пока лучшие типографии и самые большие запасы бумаги будут находиться в руках капиталистов, а власть капитала будет продолжать царить над прессой» *).....

Фактически, и в данном случае свобода печати будет существовать только для буржуазии.

И так во всем**).

Наиболее ярко эта ложь проявляется в международных отношениях буржуазных государств, где «язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли», где самое беспощадное истребление миллионов людей покрывается красивыми лозунгами: «за освобождение угнетенных наций», «за восстановление погрязших человеческих прав» и так далее. Под этим углом зрения нужно расценивать и современный пацифизм западноевропейских буржуазных государств мира внутри «Лиги наций»: мир между буржуазными государствами есть скрытая форма подготовки борьбы с Советским Союзом.

Скрытая форма капиталистической эксплуатации отражается и на идеологии буржуазии.

Возьмем религию.

«Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека, внешней природой и классовым гнетом,—идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу», «ибо на деле идея бога им (буржуазии Т. К.) помогает держать народ в рабстве»***). Таково истинное социальное значение и социальная функция религии при капитализме. Однако, по внешности всякая религия — и христианская в том числе—принимает вид наибольшей чистоты и отдаленности

*) Ленин. Тезисы о буржуазной демократии.—Тезис 7.

**) См. Ленина. Речь «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства».

***) Ленин. Письма к Горькому. Письмо 34, стр. 77.

от земных интересов, сливаясь с абсолютами философии с идеей чистого, духовно-построяемого бога.

В цитированном письме к Горькому Ленин особенно энергично вставал против этого чистенького боженъки, борьба с которым гораздо труднее, чем с грубыми и прямыми безобразиями, которые учиняют представители религиозного культа. «В самых свободных странах... народ и рабочих оупляют особенно усердно именно идеей чистого, духовно строяемого боженъки. Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженъке, всякое кокетничанье даже с боженъкой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая демократической буржуазией,—именно поэтому это — самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и заразы физических гораздо менее опасны, чем тонкая, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженъки. Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете) гораздо менее опасен,... чем поп без рясы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедывающий созидание и сотворение боженъки. Ибо первого попа легко разоблачить, осудить и выгнать,—а второго нельзя выгнать так просто, разоблачить его в 1000 раз труднее*).

Ложь и лицемерие — являются характерным признаком и частной жизни буржуа: за вежливым и корректным обращением очень часто скрывается взаимная борьба, ненависть, конкуренция. В сфере обмена, где происходит борьба за раздел прибавочной стоимости между отдельными группами капиталистов, существует, как известно, наиболее изысканная, наиболее вежливая по внешности форма обращения между людьми

*) Ленин. Письма к Горькому, письмо 32, стр. 73.

Эта двойственность пронизывает и весь строй старой школы.

Прежде всего, основное — «наука служит чистой истине, она вне классовых интересов» и т. д.

Конечно, выводы математики не изменяются от перемен в государственном управлении, законы химии и механики не перестанут существовать и действовать при диктатуре пролетариата, свойства электричества останутся те же при любом государственном строе. Но дело заключается не в этом. Необходимо различать, говорит Маркс, машину от ее капиталистического применения. При капитализме все знания, в том числе и выше названные — математика, механика, химия, учение об электричестве и так далее — служат интересам господина капитала, а в безклассовом коммунистическом обществе они будут орудиями в руках человеческого общества в его борьбе с природой. Наука при капитализме находится на службе у буржуазии и нужна ей постольку, поскольку она служит средством для увеличения прибыли капиталистов. Все технические изобретения и усовершенствования применяются капиталистами только тогда, когда это приносит увеличение прибыли.

Весь технический прогресс, все развитие производительных сил подчинены «высшим» интересам капитала — интересам его накопления. Следовательно, наука служит не всему народу, а только господствующему классу, классу буржуазии.

— «Школа — вне политики».

— Ложь и лицемерие: школа проводила свою политику — буржуазную политику. С детских лет ученика «натаскивали» в определенном направлении, вбивали в его голову знания, нужные именно для буржуазии, чтобы приготовить себе слуг господина капитала. Припомните все так называемые правила прописной морали: везде и всюду, на всех уроках ученикам настойчиво внушали целый ряд положений,

характерных именно для капиталистического общества. Даже задачки по арифметике были построены на примерах: «купец купил, купец продал» и так далее.

Не приходится и говорить, что история «своего отечества» освещалась в определенном «великодержавном», патриотическом духе. Учебники Иловайского, Беллярминова, Рождественского стали объектом для сатирических рассказов даже покойного «Сатирикона» — Аверченко.

Грамматические правила иллюстрировались — почти всегда примерами «высоко нравственного» содержания. Для этого стоит только взять старые учебники грамматики — Кирпичникова, Говорова и тому подобные.

В специальных учебных заведениях «аполитичность» выражалась иногда в весьма курьезной форме: например, в прежних духовных семинариях, насколько нам помнится, кажется, после 1905 года был введен специальн. предмет «обличение социализма», входившее в обязанность будущего «беспристрастного пастыря».

Для высшей школы достаточно характерным является тот хотя бы факт, что для всех факультетов и всех технических ВУЗ-ов было обязательно... богословие. «Аполитичность» в гуманитарных науках в прежних университетах известна: критика Маркса и марксистов составляла неотъемлемую часть буржуазной социологии и входила, так сказать, в обязанность всякого начинающего ученого.

Полагаю, что все эти факты настолько известны, что вряд ли стоит на них долго останавливаться: старая, буржуазная школа отражала в себе все черты капиталистического общества; наиболее характерный признак буржуазного общества — скрытая форма эксплуатации накладывала свою печать и на школу.

2. Разделение труда в капиталистическом производстве.

Рассмотрим основное строение капиталистического общества, то-есть производственные отношения при капитализме и влияние, отражение этого строения, на школе.

Капиталистическое общество основано на разделении труда. «Основой всякого развитого разделения труда, говорит Маркс, осуществляющегося путем товарного обмена, является *отделение города от деревни*. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в этой противоположности»^{*)}. (Курсив наш. Т. К.).

В сфере общественного разделения труда, то-есть разделения труда между людьми, наиболее характерным для всякого классового общества, в том числе и для общества капиталистического, является *отделение умственного труда от физического*.

Умственный труд становится привилегией капиталистов, физический труд достается на долю рабочих.

«Капиталист освобождается от ручного труда, как только капитал его достигает той минимальной величины, при которой становится возможным капиталистическое производство, в собственном смысле слова»^{**)}.

На долю капиталиста остаются так называемые организационные функции; функции исполнителя передаются всецело наемным рабочим. Такое разделение труда вовсе, конечно, не является следствием естественных, физиологических различий между людьми, а является результатом капиталистического общественного отношения, отношения людей к средствам произ-

^{*)} К. Маркс. Капитал I, стр. 263.

^{**)} Там-же, стр. 246.

водства. В основе данного разделения труда лежит эксплуататорское начало.

«Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием,— наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист»*). пишет Маркс.

Таким образом, человек — всесторонне развитой, соединяющий в себе организаторские и исполнительские функции,— при капитализме не существует; человек — личность — как бы раздвояется: эти функции разделяются между отдельными людьми, что влечет за собою неизбежное одностороннее развитие индивидуума.

«Духовные потенции (движущиеся силы) производства на одной стороне расширяют свой масштаб именно потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно»**).

С этой стороны начинается беспощадное ограбление личности рабочего; всякая работа, требующая умственного напряжения, а потому интересная и содержательная, отнимается у рабочего; рабочему остается однообразная, усыпляющая, бессодержательная работа, калечащая личность рабочего, благодаря своей убийственной монотонности. По мере развития и укрепления капиталистического отношения, отделенные от рабочего организационные функции становятся как бы неотъемлемой собственностью капитала.

«Духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим, как чужая собственность и поработаживающая их сила***).

И самая наука, становясь совершенно недоступной рабочему, переходит на противоположную от рабочего сторону, начинает служить только интересам капи-

*) К. Маркс. Капитал I, стр. 247.

**) Там-же—стр. 270

***) Там-же—стр. 271

тала, изобретая все новые и новые формы порабощения рабочего. Крупная капиталистическая промышленность «отделяет от рабочего науку, как самостоятельную потенцию производства, и заставляет его служить капиталу»*)).

Между наукой и рабочим вырастает целая пропасть; наука выступает против рабочего, как эксплуататор, ибо всякое новое изобретение при капитализме имеет следствием или усиление эксплуатации рабочих (относительная прибавочная стоимость), или увеличение числа безработных.

«Человек науки отделяется от производственного рабочего целою пропастью, и наука, вместо того, чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его производительной силы, почти везде противопоставляет себя ему... Познание становится орудием, которое способно отделиться от труда и выступить против него враждебно»**).

Когда данное строение общества становится привычной формой, оно кажется вечным, непреходящим и составляет незыблемые основы общества «вообще».

Дальнейшее развитие разделения труда кажется единственным условием человеческого прогресса.

Наиболее откровенно такую точку зрения формулировал в свое время французский переводчик и комментатор Адама Смита — Гарнье.

«Народное образование противоречит, по его мнению, первому закону разделения труда; организацией народного образования мы *«обрекли бы на уничтожение всю нашу общественную систему»*. (Курсив наш. Т. К.). «Отделение физического труда от умственного,— говорит он,— как и всякое иное разделение труда, становится все более глубоким и решительным по мере того,

*) Капитал I,—стр. 271.

**) Там-же стр. 271, подстрочное примечание.

как богатеет общество... Это разделение труда, подобно другим его видам, является результатом предшествующего и причиной грядущего прогресса... Неужели же правительство должно противодействовать этому разделению труда и задерживать его естественный ход? Неужели оно должно затрачивать часть государственных доходов на эксперимент, имеющий целью смешать и спутать два класса, стремящихся к разделению и обособлению?»*)).

К приведенным весьма откровенным заявлениям, представителя буржуазии комментарии не требуются: обучение рабочих противоречит «естественным» законам развития общества и угрожает уничтожить всю капиталистическую общественную систему...

Следовательно, в рамках капиталистического общества всесторонне развитого человека быть не может, «некоторое духовное и телесное искажение неизбежно даже при разделении труда в рамках всего общества в целом»**).

Люди умственного труда выделяются в особую профессиональную касту — людей интеллигентных, людей, не знающих физического труда и противостоящих рабочему, как слуги капитала, как об'ективные пособники эксплуатации. «И самое мышление в этот век разделения труда становится особой профессией» — говорит Фергюсон***).

Отделение умственного труда от физического явилось неизбежным следствием капиталистического мануфактурного производства с его далеко идущим техническим разделением труда, когда весь процесс производства разделяется на отдельные частичные операции, каждая из которых становится самостоятельной функцией отдельного рабочего. Человек превращается

*) Капитал I, стр. 272.

**) Там-же стр. 272.

***) Там-же, стр. 272, подстрочное примечание.

в частичного рабочего, в детальщика, который на всю жизнь прикрепляется к своей несложной операции. «Поэтому мануфактура лучше всего процветает там, где наиболее подавлена духовная жизнь, так что мастерская может рассматриваться как машина, часть которой составляют люди» — говорит Маркс.

«И в самом деле, в половине XVIII века некоторые мануфактуры предпочитали употреблять полуидиотов для производства известных простых операций, составляющих, однако, фабричную тайну».*) (Кстати: слово «идиот» в переводе с греческ. означает «чернорабочий»). Мануфактура впервые создает кадр необученных рабочих. Ремесленник, исполняющий все операции, заменяется коллективным рабочим, отдельными частицами которого становятся люди. «Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается коллективный рабочий, составленный из многих частичных рабочих.

Как известно, одной из отличительных черт буржуазного учения об обществе является смешение социологических категорий с категориями естественно-биологическими. По вопросу о разделении труда — среди буржуазных ученых существует мнение, что причиной этого явления служат физиологические различия между людьми. Они совершенно упускают из виду, что само разделение труда, раз оно существует, служит причиной развития различных особенностей и различных способностей у людей.

Вот что пишет Маркс по этому вопросу: «Если таким образом природные особенности рабочих образуют ту почву, в которую пускает свои корни разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, раз она уже введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям»***). Прав Адам. Смит, который

*) Капитал I, стр. 271.

**) Там-же, стр. 260.

***) Там-же, стр. 260.

говорит: «Духовное развитие значительного большинства людей неизбежно определяется их повседневными занятиями. Человек, затративший всю свою жизнь на отправление немногих простых операций... не имел случая упражнять свой ум»*).

Капиталистическое мануфактурное производство с его детальным разделением труда, по мере своего развития и укрепления, начинает предъявлять спрос на односторонне развитых людей. «Односторонность и даже прямые недостатки частичного рабочего составляют его достоинства, если мы будем рассматривать его как часть совокупного рабочего»**).

Машинный способ производства окончательно закрепил это разделение труда и завершил процесс, начавшийся при возникновении капиталистического способа производства.

«Отделение интеллектуальных сил процесса производства от ручного труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение..... в крупной промышленности, воздвигающейся на базисе машины»***).

Команда господина Капитала становится деспотической; машина ввела свой порядок в производство, и «Аркрайт создал этот порядок». Рабочий превращается в придаток к машине, которая, как капитал, применяет рабочую силу рабочего. «В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему, как живые придатки».

Жизнедеятельность рабочего, свободная игра его мускулов окончательно подавляются; воля рабочего заменяется движением машины, к которому рабочий должен приспособлять свои собственные движения.

*) Капитал I, стр. 271.

**) Там-же, стр. 261.

***) Там-же, стр. 320.

«Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многочисленную игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности»*)).

Весь процесс производства становится автоматическим, ... подчиняясь своим особым законам, законам накопления капитала, диктует свою волю всему производственному коллективу рабочих. При капиталистическом способе производства «не рабочий применяет условия труда, а наоборот, условия труда применяют рабочего, но только с развитием машины это превратное отношение получает технически-осуществительную реальность»**).

Таковы основные черты капиталистических производственных отношений в сфере разделения труда, которые, конечно, отражаются и на других сторонах жизни этого общества. «Разделение труда наряду с экономической областью охватывает все другие сферы общества и везде закладывает основу того узкого профессионализма и специализации, того раздробления человека»... и т. д. ***).

Само собою разумеется, что здесь речь может идти только о самых основных чертах идеологической надстройки капиталистического общества и об отражении в ней классового разслоения общества.

Самым важным, самым характерным признаком классового характера капиталистической «духовной» культуры является отделение теории от практики. «Одно из самых больших зол и бедствий,—говорит Ленин,—которые остались нам от старого капиталистического общества, это—полный разрыв книги с практикой жизни».****) Корни данного явления находятся, конечно, в экономике; это есть отражение—того

*) Капитал I, стр. 319.

**) Там-же, стр. 320.

***) Там-же, стр. 364-365.

****) Речь на III Всероссийском Съезде РКСМ

факта, что организационные функции от самой буржуазии отпадают, когда «функция непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих переходит затем к особой категории наемных работников»*)).

Оторванность имущих классов от производственных процессов, их паразитарность и эксплуататорский характер, лежащий в основе отделения умственного труда от физического, и обуславливают глубокий антагонизм между теорией и практикой.

Исторически эта система имеет свои корни в древнем рабовладельческом обществе Греции и Рима, откуда она и была воспринята европейской буржуазией.

«Возникновение и развитие капитализма в Европе связано с «возрождением» наук и искусств «классической» древности, т. е. рабовладельческой Греции и Рима. Чтобы создать свою *новую* эксплуататорскую культуру, молодая, тогда еще неопытная, буржуазия должна была избрать себе в качестве базы старую эксплуататорскую культуру опытных рабовладельцев «античного мира».

Два периода в развитии «античной» науки отчетливо выявляют и *двойственный* характер науки. В первый период, когда рабовладельцы были организаторами производства, возникновение и развитие наук исходило из производства. Это было время расцвета технических наук (строительное и инженерное искусство, кораблестроение, обработка металлов и пр.) и материалистического мировоззрения. Второй период характеризуется уходом рабовладельцев подальше от «грязной» работы рабов и обращение рабовладельцев в «чистых» паразитов. В это время естествознание и технические науки замирают, и из общественных наук процветает лишь одна единственная — «римское право», которое впоследствии так хорошо пригодились буржуазии XIX века для регулирования отношений собствен-

*) Капитал I, стр. 246.

ности, что она сделала сию «науку» одним из главных столпов высшей школы. Эпоха рабовладельцев — *паразитов* отмечена небывалым развитием абстрактных, отвлеченных наук, оживления логики, философии, математики и идеалистического мировоззрения.

Хотя *геометрия* возникла как «земле-мерие» для регулирования речных разливов и орошения полей, но Платон уже считает оскорбительным для геометрии служить для решения задач механики! Хотя астрономия возникла как наука об исчислении времени (для земледельцев) и ориентации на море (для мореплавателей), но впоследствии она становится независимой от «земных» интересов и помогает «чистому» паразиту уйти мыслями подальше от грешной земли (удел рабов) выше к «звездам».

Подобно тому, как «господа» уходят подальше от грязных рабских производственных дел, так и «теория» решительно отрывается от «практики» и считает для своей «чистой» персоны слишком унижительным соприкасаться с грязной практической деятельностью*).

Таков прозаический смысл и экономическое основание отделения теории от практики. Это разделение привело к возникновению противоречия между теорией и практикой, которое нашло «классическое» выражение в рассуждениях греческого мудреца (кажется, Аристотеля) о траектории тела, брошенного под углом к горизонту. Чисто *умозрительным* порядком мудрец пришел к заключению, что брошенное тело летит по прямой линии, и траектория его представляет *ломаную линию*. Когда мудрецу указали, что опыт показывает иное, а именно, что эта траектория не ломаная, а кривая (теперь мы знаем, что траектория брошенного тела — кривая и именно парабола), он невозмутимо ответил: «Тем хуже для опыта». Мои чистые умозрительные построения настолько выше и совершеннее всякого

*) „Уральский Коммунист“, № 6, 1923 г. Статья Л. Б. Сунницы.

вашего опыта (или «грязной» жизненной практики), что они совсем не нуждаются в проверке их каким-бы то ни было опытом»^{*)}).

Это же эксплуататорское начало лежит в основании существующего и до настоящего времени разделения наук на «чистые» и «прикладные».

Первые витают в области «чистой теории, вторые «прикладывают» выводы этой теории к практике».

Разрешение этого противоречия до сих пор было не по силам буржуазной науке, пока она, как говорил Маркс, «сидит в своей буржуазной шкуре».

Даже в настоящее время, в условиях Советской действительности, искреннее стремление «ученых» инженеров помочь производству нейдет дальше лозунга: «научный работник дает свои знания, а рабочий приводит их в исполнение» (заявление инженера на одном из заводских собраний). Старое отделение умственного труда от физического, организационных функций от исполнительских остается в силе и в настоящее время.

Отсюда можно, если хотите, сделать и дальнейший вывод: в основе так называемого идеалистического мировоззрения тоже лежит это эксплуататорское начало:—примат «чистой» идеи над фактами, над жизнью, идеи над материей—это примат теории над практикой, господство умственного труда над физическим, господина над рабом. Не даром умственный труд ценится в обществе выше физического, как «особый», «высший», — квалифицированный труд. Это мировоззрение особенно распространено среди представителей умственного труда, естественно переоценивающих свой труд и ставящих его выше всякого другого труда. Но этот взгляд нашел распространение и среди других слоев населения и даже рабочих, которые смотрят с некоторым подобострастием на «ученого» человека, владею-

^{*)} „Уральский Коммунист“ № 6, статья Л. Б. Сунцы.

щего такими знаниями, которые непонятны, а потому кажутся и недоступны рабочим.

Этот своеобразный «ученый» кретинизм, свойственен в особенности псевдо-ученым людям, которые из-за своей цисты не видят и не хотят видеть разностороннюю и многообразную жизнь. На этой именно почве возникает характерный в основе своей эксплуататорский фетишизм науки и ее представителей. «Наука» (с большой буквы) окружается ореолом святости, недосягаемости и т. д. «Ученые» — это не обыкновенные люди, а люди «особой», «высшей» породы, которые, отрешившись от всего земного, низменного, парят в недосягаемых для обыкновенных смертных эмпиреях «чистой» мысли. Беспомощность, наивность «ученых» — в практической жизни — давно служит предметом весьма любопытных рассказов из жизни «великих людей».

«Книжная ученость» — наиболее распространенный вид учености в капиталистическом обществе — вовсе не означает, что «ученый» лучше ориентируется в практической жизни, чем не ученый.

Отсюда возникает взгляд — «наука для науки», «искусство для искусства» и т. д.

Как на пример фетишизации «науки» можно указать на чеховского профессора, который с глубокомысленной ученостью в течение двадцати с лишним лет преподавал в высшей школе искусство, ничего в нем не понимая. «Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ничего не понимая в искусстве» — говорит о нем Войницкий*).

Более глубокий герой гениального Гете — Фауст — не мог не заметить всей пустоты этого книжного, оторванного от жизни чисто теоретического знания:

*) Чехов. «Дядя Ваня», стр. 8.

Ф А У С Т.

«Магистр и доктор я уж вот
тому пошел десятый год;
учеников и вкривь и вкось
вою я за нос на-авось
и вижу все-ж, что не дано нам знания».

Мефистофель чрезвычайно едко высмеивает эту словесную мудрость, выводя на чистую воду всю его пустоту, в беседе с одним из учеников Фауста:

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ь.

«И вообще: держитесь слова
по всем покрепче каждый раз!
Тогда дорога верная для вас
в храм несомненности готова».

У Ч Е Н И К.

«Но ведь понятия в словах
должны же быть?»

М Е Ф И С Т О Ф Е Л Ь.

«Прекрасно, но о том
не надо так крушиться:
Коль скоро недочет в понятиях случится,
их можно словом заменить.
Словами диспуты ведутся;
словам должны мы доверять:
в словах нельзя ни юты изменять» *)

И до сих пор еще в нашей жизни не потеряли значения слова Мефистофеля: «Словечко громкое всегда из затрудненья нас выводит» **).

Не даром такое типичное идеалистическое мировоззрение, как христианство, на своем знамени имеет: «Вначале было слово».

Магическое значение слов, в особенности слов отвлеченных, оторванных от предметов и действий, — наиболее ярко проявляется в религиозных культах

*) Гете. «Фауст». Изд. 1912 г. под ред. Грузинского, том III полн. собрания сочинений.

**) Там-же, стр. 31.

и связанных с ними всякого рода заклинаниях, заговорах и колдовстве жрецов всяческих религий, где слову приписывается не только самостоятельное бытие, но и магическое действие над людьми. Эксплуататорские корни подобной фетишизации слова ясны: для служителей различных культов это явление и до настоящего времени служит доходной статьей...

Латынь в медицине, непонятная для «простого народа», тоже ведь является одной из причин своеобразного фетишизма лекарского искусства...

Значение всякого рода символов хорошо изображено в известной детской сказке: «Ранец, шапочка и рожок», где достаточно произвести соответствующие действия с вышеназванными предметами, чтобы случились целые чудеса: появляются полки солдат, рушатся стены крепостей и т. д....

Подробный разбор этого явления мог-бы завести нас слишком далеко; но и сказанного, полагаем, достаточно, чтобы уяснить сущность вопроса; отрыв от практики, от жизни и фетишизация различного рода абстрактных символов—слов—имеет в своем основании эксплуататорское начало.—

3. Специализация в сфере умственного производства и структура старой школы.

Мануфактурное разделение труда в производстве нашло свое отражение и в идеологической сфере, в сфере интеллектуального производства—в виде расщепления науки на отдельные, достаточно многочисленные, специальные предметы. Буржуазия не имеет единой системы знания, единой науки, единого цельного мировоззрения. Наука разделена на «предметы», которые в свою очередь подразделяются на специальности и т. д. Каждый «предмет», отделенный целой стеной

от остальных «предметов», живет своею самостоятельной жизнью, вырабатывает свой метод, свой особый подход к вопросам и т. д. Данное явление—разделение науки на отдельные предметы, узкая специализация настолько срастается со всей жизнью общества, что кажется единственно возможным условием для развития самой науки, для увеличения производительности труда в этой сфере производства. Но здесь, как и в процессе материального производства, необходимо различать две стороны.

Разделение труда в области капиталистического производства имеет следствием не только повышение производительной силы труда, но и является способом закрепления определенной системы эксплуатации. Далее, на определенной ступени развития производительных сил данная система разделения труда является тормазом на пути их дальнейшего развития.

Тоже самое происходит и в области культурно-интеллектуального производства. Каждый «предмет», обособляясь от других, превращается в нечто застывшее, и, как говорят, «имеет свою собственную, только ему присущую логику»—Такое утверждение в основе своей—носит эксплуататорский характер.

«В основе разделения *умственного* труда, т.-е. в основе системы наук в классовом обществе, также лежит эксплуататорский, момент» говорит один из цитированных нами авторов.

Поэтому, когда представители старой науки авторитетно заявляют: «наука есть наука», «предмет есть предмет» математика есть математика, а не география, не физика и т. д., то эти заверения имеют приблизительно тот же смысл, как и утверждение защитников старого сословного строя (т.-е. прочной, неподвижной и наследственной системы разделения труда): «дворянин есть

дворянин», крестьянин есть крестьянин, а не купец, и не поп, и не мещанин»*)).

Самая форма, если можно так выразиться, производства «духовных» ценностей, как и вообще вся идеология—отстает от развития форм производства материальных ценностей. Если последние давно уже носят характер общественного производства крупных предприятий, то в первой до сих пор еще царит средневековый ремесленно-городской строй.

«Их организационная форма носит следующий характер: мелкое или карликовое предприятие; один доцент с одним или несколькими помощниками (ассистентами), полная изоляция, оторванность от сотоварищей по собственной специальности и еще большая оторванность от смежных специальностей»**).

В особенности это относится к так называемым гуманитарным наукам.

«Не существует ни однообразной постановки вопросов, вытекающей из господствующей философии, не существует и самой этой господствующей философии. Веселая анархия!

Трудолюбивое отшельничество! Каждый самолично производит сам по себе, не тревожимый в постановке вопросов никакой общей системой культурных ценностей»***).

Европейские университеты, в том числе и российские, копировавшие в свое время западно-европейские, до сих пор еще носят отпечаток своего средневекового происхождения.

Возьмем наиболее консервативную в этом отношении страну—Англию—и ее старинные университеты, от которых пришел в восторг Борис Пильняк (Известия, 7 октября, 1923 года). Как возникли там университеты?

*) Л. Б. Суница. «Ур. К.» № 6, 1923 г. стр. 30.

**) К. Витфогель. «Наука в буржуазном обществе» стр. 38.

***) Там-же, стр. 20

«Оксфорд, Кембридж—университетские города...

Английские колледжи возникли из монастырей... и до сих пор вокруг каждого колледжа монастырская средневековая крепостная стена из серого камня; там за стеной, в дальней стороне от главных ворот собор и имена колледжей: «Колледж св. Мадлэны», «Колледж Христовой Церкви», Колледж св. Мартына», «Колледж св. Джона»,—должно быть отсюда пошло «Храм науки»*)).

И это вполне понятно: в средние века, как известно, знание носило церковный характер; монастыри были центром этого знания, университеты были их приемниками.

«Если церковь была идеологической опорой, скрепой для эксплуататорской системы феодально-крепостнического общества, то для развитого капиталистического строя потребовался более усовершенствованный механизм идеологических связей: вместо монастыря—университет, вместо религии—священная Наука (с большой буквы)**).

Средневековые остались и в целом ряде университетских терминов и в самой общественной структуре университетов. «Кафедра»—надо полагать перешла в университет из церкви, как кафедра проповедника; доктор, магистр, студент—буквально соответствуют строю средневекового ремесла, с его делениями: мастер, подмастерье, ученик.

Само собою разумеется, что при современных условиях ремесленный способ производства не может считаться самым производительным: «ремесленное мелкое производство строится по такому принципу; чтобы при величайшей затрате энергии достигнуть наименьших результатов***).

*) Журнал «Студ.—рабочий» № 2, 1923 г. ст. Л. Б. Суницы.

**) Там-же.

***) К. Витфогель.

Обращаясь непосредственно к постановке учебной работы в школе, необходимо остановиться на двух вопросах—на способе преподавания и на содержании преподаваемого материала.

Обычным способом передачи знаний в высшей школе был и остается способ лекционный; в средней школе лектора-профессора заменял преподаватель, который в форме рассказа сообщал учащимся соответствующие знания.

В этой системе ясно отражается старое деление общества на знающих и незнающих, на образованных и необразованных, т.-е. отражалось классовое деление общества, где профессор или преподаватель, как представитель ему только доступного знания, с «высокой» кафедры вещал народу—«толпе» не знающих—вечные истины «священной» науки; аудитория, слушатели—пассивно воспринимали готовое знание из уст своего учителя.

«Чисто лекционный характер старого университетского преподавания отражал строго авторитарный характер классовой власти позднего абсолютизма»*).

Здесь мы видим проявление прежнего мировоззрения—разделения общества на «героев» и «толпу», где героя изображает «знающий истину» профессор-лектор, а толпу—пассивная аудитория. Не даром тот-же Витфогель замечает, что «нормальным» выражением неограниченного классового господства является героическая идеология**).

Знания, оторванные от практики, отделенные от массы и монополизированные привилегированным классом,—окружаются какой-то тайной, недоступностью; лекция напоминает проповедь служителя религии с церковной кафедры, которому одному доступна божественная истина и крохи которой он милостиво бросает

*) Витфогель 89.

**) Витфогель, 59.

своей пастве. Здесь так прозрачно проглядывает средневековье с его засильем церкви и с ярко выраженным авторитарным характером строения общества, что не требуется особо глубокого анализа, чтобы понять классовое эксплуататорское содержание лекционной системы преподавания.

В настоящее время лекционному способу преподавания противопоставляют семинарский метод. Этим методом настолько в настоящее время увлекаются, что здесь уместно сказать о нем несколько слов; это сделать тем более необходимо, «что во многих местах к идее семинарского метода и к слову «коллективная работа» создалось словно фетишистское отношение, вызывающее слепое преклонение перед ними» *).

Во-первых, применение семинарского метода имеет свои пределы в характере преподаваемого предмета, «где по самому существу его такой метод не возможен и приходится ограничиваться простым изложением» (Витфогель).

Но сущность вопроса не в этом.

«Несомненно, семинарский метод является огромным прогрессом по сравнению с простым докладом... Но последним словом в развитии наших педагогических методов... семинарский метод ни в коем случае не является» (Витфогель).

В чем же заключается сущность вопроса?

Нам кажется, что правильную оценку этого метода дает цитированный уже нами Витфогель, слова которого мы и приведем:

...«Мы должны сказать о... семинарском методе, что он не сводит в самый процесс духовного творчества, но лишь в поверхностной форме словно воспроизводит духовное творчество, самое исследование. На самом же деле этого нет».

*) Витфогель, 93.

...«Наше предостережение... вовсе не означает упрека против семинаризма... напротив, мы утверждаем, указывая одновременно на историческую ограниченность этого метода, что его следует зубами и когтями защищать против его предшественника, чисто лекционного метода. Но устанавливать историческую ограниченность предмета значит вместе с тем показывать его границы и перспективы его преодоления»...

«Мы должны лишь предостеречь против того, чтобы суеверно ждать педагогических чудес от семинарского метода, который этих чудес сделать не может. *Семинарский метод облегчает восприятие готовых, обработанных результатов мышления.* Он позволяет угадывать результаты. Научить находить их он не может по самому существу своему»... «Семинарский метод, если он хорошо поставлен, есть лишь свежий, целесообразный путь—перенять готовые результаты в такой форме, как если бы они были добыты самими учащимися» *) (курсив всюду автора Т. К.). Такова оценка семинарского метода. Здесь необходимо указать еще на следующее обстоятельство: семинарский метод, как форма сообщения знаний, может затемнить и часто затемняет вопрос о содержании тех знаний, которые преподносятся учащимся, а между тем вопрос о том, что преподается—имеет координально-важное значение. Но об этом ниже.

Поскольку мы начали свой анализ с формы, считаем не лишним остановиться на той словесной форме, в которую облекается наука.

Язык, вообще говоря, является внешним отличительным признаком «образованного» человека от «необразованного».

Как известно, «литературный», «ученый» язык резко отличается от языка, которым говорит «необразованная» масса.

*) Витфогель, стр. 93-94.

Часто степень учености превратно измеряется именно недоступностью и трудностью изложения знаний. Для «народа» знания приходится популяризировать, т.-е. давать ему те крохи знания и в таком количестве, в каком это угодно господствующему классу и не опасно для существующего общественного строя. Популярное, как нечто дешевое, доступное для всех и уже по одному этому теряющее свою ценность, как не «настоящее» знание—это то, что дается «народу».

Язык—это средство отгородиться, отделить себя от черни, отделить «образованных», привилегированных от простых смертных, т.-е. эксплуататоров от эксплуатируемых: язык первых сделать недоступным, непонятным для вторых. Это явление того же порядка, что и богослужение на непонятном для верующих языке—церковно-славянском для православных и латинском у католиков.

Каждая из «наук» вырабатывает свою собственную терминологию, резко отличную от терминологии других. «наук» и, таким образом, «предметы» еще резче отделяются друг от друга.

«В этой достойной задаче очень большая доля выпала прежде всего гуманистической филологии. Ибо она ввела и удержала особый *кастовый язык*, настоящий социальный жаргон! Она изготовила для господствующего класса филологический мундир с эполетами, шнурами и кокардами (как платье делает людей, так и способ выражения вербует сторонников класса!) Тем самым она вырыла между человеком и человеком, между высшими и низшими настолько глубокую, широкую, непроходимую социальную пропасть, что человеку, находящемуся внизу страшно подступиться к какойнибудь социальной идее. *Не будь гуманистически классового языка, буржуазия должна была бы его изобрести*» *) (курсив автора. Т. К.).

В этом отношении большую помощь европейской

*) Витфогель стр. 50.

буржуазии оказала все та же «классическая» древность, откуда берет свое начало европейская буржуазная культура: латинский язык в некоторых отраслях знания и до сих пор еще держится—медицина, юриспруденция.

«Европейская буржуазия в течение ряда десятилетий продуманно и тщательно вырабатывала и культивировала систему «классического» образования, с греческим и латинским языком, историей древнего мира, древнейшей литературой и прочими «гуманитарными» науками. Основной задачей этой системы было—подготовить кадр «образованных» людей, по своему умственному облику резко отличающихся от массы «необразованных». Эта грань должна была обеспечить некоторое благоговение «необразованных» низов по отношению к «образованным» верхам или полужеркам (интеллигенции), для чего интеллигенции весьма пригодились испытанные приемы жрецов, взяческих шаманов и попов»...

«Те же корни имеет и распространенность среди русской помещичьей аристократии XVIII и XIX в. в. «прекрасного» французского языка в отличие от «грубого» и «грязного» русского языка, на котором говорит простонародье. Те же корни имеет и тот, столетиями выработанный эксплуататорский шаманский метод запугиванья своей «ученостью», который, увы, и по сие время не изжит еще нашей интеллигенцией. Все это проявления науки, как средства отделения «образованных» от «необразованных», как орудия эксплуатации и господства человека над человеком» *).

Самое понятие—«образованный человек»—является синонимом человека привилегированного, человека высшего круга, высшего «общества», т.-е. примыкающего к господствующему эксплуататорскому классу и освобожденного от грязной физической работы.

* «Уральский Коммунист», статья Л. Б. Суняцы.

Как в капиталистическом производстве определенный минимум капитала освобождает капиталиста от непосредственного участия в производстве, так и «образованность» освобождает человека от необходимости заниматься физической работой и дает право существовать за счет прибавочной стоимости. Отсюда смысл выражения: «выйти в люди», т. е. выпрыгнуть из класса эксплуатируемых и присоединиться к эксплуататорам, избавиться от «грязной» работы и присоединиться к «чистым» паразитам. ✓

В противоположность утверждению Гегеля в его «философии права», что «под образованным человеком следует разумеать прежде всего того, кто может сделать все то, что делают другие»*), «образованность» в классовом обществе вовсе не означает, что человек, носящий звание образованного, действительно обладает большими практическими знаниями и умением разобратся в жизни и лучше вести жизненную борьбу, чем необразованный. Отнюдь нет.

Исторически выработался определенный круг знаний, хотя быть может и не необходимых и часто бесполезных для практической жизни, но «необходимых для всякого образованного человека». Это—своего рода внешнее отличие, когда по одному разговору, по манере держать себя можно узнать человека «своего круга», т. е. принадлежащего к высшим слоям общества. Сумму этих «необходимых» сведений буржуазия заимствовала из своего первоисточника—из «классической древности».

В этом направлении и была построена вся система обучения в прежней старой школе.

Здесь мы подходим к оценке содержания преподававшегося в старой школе учебного материала.

Социальная функция, которую выполняла старая школа, состояла в том, что она создавала «образован-

*) См. Капитал I 272, подстрочное примечание.

ных» людей, поэтому вся система и весь подбор материала были приспособлены к этой цели, при этом «память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых не нужных и на одну десятую искаженных»^{*)}).

Что необходимо было дать будущему образованному человеку?

Школа на это отвечала: «общее развитие».

Это «общее» развитие давалось на материале «классической», испытанно-эксплуататорской древности. Мысль ученика с самого детства отрывалась от живой и близкой, но не всегда быть может «приглядной» действительности,—в древность, в даль, где, по книге, все было гладко и соответствующим образом причесано, и именно так и в таком духе, чтобы на этом материале можно было воспитать члена эксплуататорского общества.

По этому, примерно, типу строились программы по так называемым гуманитарным наукам, которые, собственно, и предназначались, главным образом, для того, чтобы дать учащимся это «общее» развитие: «вышколить» сначала мысль на далеком, отвлеченном, приглаженном теоретически-книжном материале, и только тогда уже, в конце курса, когда учащийся соответственным образом подготовлен, мозги его достаточно иссушены, допускалось (и то далеко не всегда!) и небольших дозах знакомство и с современной действительностью, которая теперь, с заранее усвоенной учащимися точки зрения, выглядела иначе—похожему, достаточно приличной и т. д.

Достаточно было просмотреть программы прежних средних учебных заведений, в особенности «классических» гимназий, чтобы убедиться в справедливости указанного.

^{*)} Ленин. Речь на III съезде РКСМ.

В старой школе под видом «общего» образования, «общечеловеческого» развития, т.-е. опять под внешней формой, под наружной ложной оболочкой, преподносилось определенное, четкое, выкристаллизованное буржуазно-эксплуататорское мировоззрение. Этим багажом снабжали все подростяющее поколение, которое проходило через школу; такое воспитание закрепляло существовавшую тогда эксплуататорскую систему; школа была одним из устоев, духовной скрепой буржуазно-капиталистического общества.

И это вполне понятно. Буржуазия, как мы уже говорили, свою культуру, культуру своего класса считает единственно возможной, а потому общечеловеческой культурой, потому что, признать—со стороны буржуазии—право на существование культуры другой, пролетарской, значит признать исторически ограниченным существование всего капиталистического общества, т.-е. упразднить себя, признать право революции и т. д. Очевидно, такой, в девяносто градусов поворот в головах буржуазии,—пока она остается буржуазией,—невозможен. В этом отношении весьма показательной для характеристики настроения умиротворяющей буржуазии является книга Шпенглера—«Закат Европы», которая так много на шумела год—два тому назад. Шпенглер очень откровенно отождествляет гибель культуры буржуазной, культуры, связанной с существованием определенного класса,—с гибелью культуры вообще*).

Крепостники-помещики в свое время тоже считали падение крепостнических отношений разрушением общества вообще. Очевидно, выпрыгнуть из своей оболочки, видеть дальше интересов своего класса—не всегда легко удастся.

Школа не могла стоять вне общества, а составляла неразрывное звено в той системе—скреп—обручей,

*) См. Шпенглер. Закат Европы.

которыми сковывались классовые противоречия и благодаря которым могло установиться известное, хотя и постоянно нарушаемое, равновесие капиталистического общества. Этим самым старая школа и выполняла «свое общественное назначение».

Система обучения и воспитания—в процессе ее исторического развития—была разработана до деталей, до мелочей, где каждая из этих мелочей имела свое «воспитательное» значение.

Возьмем один из памятных всем примеров—форменная одежда учащихся. Многие помнят политику министерства народного просвещения в 90-х годах 19 века в этом отношении: за ремень не надлежащего образца, за тужурку другого цвета, чем казенный, могли исключить и исключали из гимназии.

В чем тут дело?

Форменной одеждой учащиеся гимназисты, реансты, и т. д., уже с детского возраста отличались от своих сверстников, стояли *выше* тех детей, которым недоступна была ни гимназия, ни гимназическая форма; ребенка с первых же лет школьной жизни приучали смотреть на себя, как на существо *отличное* от неучащихся детей, которое ни в коем случае не должно походить (хотя бы по внешности) на всякого рода «уличных мальчишек» *). А так как детская психология часто не хотела считаться с этим,—форма, внешний вид должны были напоминать ему, что он—*нечто другое, чем все остальные, не носящие формы.*

На этой почве в дальнейшем вырастает целый ряд новых фетишей—«честь мундира», «особая дворянская честь», которые культивировались уже в особых теплицах, называемых привилегированные учебные заведения.

Еще одна—мелочь: отметки, награды и другие меры поощрения в школе.

*) См. Чехов. «Голя и Колька».

Вся эта система проникнута ярко выраженным индивидуализмом, карьеризмом и т. д. Ученик со школьной скамьи начинает, так сказать, с борьбой «пробиваться в люди», побивая своих отстающих товарщиц.

Все это не что иное, как отражение борьбы товаровладельцев на рынке капиталистического общества.

И здесь эту чисто историческую категорию, свойственную только определенной структуре общества, выдают за нечто вечное, неизменное, свойственное «человеку вообще», выдают за биологический закон борьбы за существование, которая происходит во всем животном мире, в том числе и между людьми.

К. Маркс с гениальной отчетливостью в первом томе «Капитала» показал, что в капиталистическом обществе, даже такой основной закон биологии, как закон размножения, подвергается соответствующему и сильному воздействию со стороны социальных факторов: размножение рабочего класса зависит от законов накопления капитала *). То же самое относится к закону—борьба за существование.

Вот—в основных чертах—сущность старой школы. Закончим тем, с чего начали: *школа не является чем-то изолированным, самостоятельным; она—одно из звеньев всей общественной системы, отражающей основные черты своего общества и выполняющая определенную общественную функцию.*

Школа—как система воспроизводства людей нового поколения—является в то же время и системой воспроизводства человеческих отношений, отношений господства и подчинения, т.-е. тех отношений, на которых основано капиталистическое общество.

*) См. Капитал I, глава «Всегобщий закон капиталистического накопления».

II

Новая школа.

4. Социальная характеристика пролетариата и основные черты бесклассового общества.

«Лицемерию и лжи мы можем противопоставить полную и открытую правду». (Ленин. Речь на I-м Всероссийск. съезде по просвещению). «Соединение производительного труда с учением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества». (К. Маркс. Критика Готской программы).

Основные элементы новой школы, как и основы нового бесклассового общества, не падают с неба, а вырастают внутри общества капиталистического. Носителем идеи нового общества, как известно, является пролетариат, «который, благодаря развитию капитализма, сам все более развивается, увеличивается, объединяется и крепнет»^{*)}.

Остановимся кратко на социальной сущности этого класса.

^{*)} Ленин. Том IV. стр. 15.

Пролетариат заинтересован не в эксплуатации других классов, а в свержении всякой эксплуатации; по своей социальной природе этот молодой восходящий класс поэтому не заинтересован ни в какой лжи: ему свойственна открытая правда. Материалистическое мировоззрение, свойственное пролетариату, и заключается, именно, в том, чтобы рассматривать мир таким, каким он является. Пролетариат не нуждается ни в каком флере, ни в каком покрывале, которыми нужно было бы затуманивать и свои действия и свое мировоззрение.

Высшим критерием истины, правильности того или иного положения для пролетариата является практика. «Практикой должен доказать человек истину своего мышления; т. е. доказать, что оно имеет действительную силу и не останавливается по сю сторону явлений» *).

Отличительной чертой материалистического мировоззрения пролетариата является его действительность, активность, ибо пролетариат является тем классом, которому суждено историей *изменить* этот мир. «Философы лишь *объясняли* мир так или иначе; но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»**)—говорит Маркс. Эти две стороны материалистического мировоззрения неотделимы друг от друга; изменение мира, действие неразрывно связано с представлением о мире, как о мире реальном, существующем и т. д.

С этой точки зрения—изменения мира, с точки зрения практики пролетариат и подходит ко всем явлениям, ко всем проблемам: насколько то или иное явление способствует или мешает пролетариату в его борьбе за освобождение. Этим практицизмом, реализмом проникнуто все мировоззрение пролетариата. У него нет и не может быть фетишей, иллюзий; он заин-

*) Маркс. О Фейербахе.

**) Маркс. Тезисы о Фейербахе,

интересован в правильном, ясном и точном взгляде на мир. Ко всем вопросам он подходит с точки зрения практики, и сама теория ему важна и ценна постольку, поскольку она нужна практике. «Для нас теория,— говорит Ленин,— «есть обоснование для предпринимаемых действий, для уверенности в них, а не для страха. Если бы книжка, кроме тормоза и вечной боязни нового шага, ничем не служила,—она была бы не ценна. (Курсив наш Т. К.)

Приведем один пример, как пролетариат подходит к разрешению теоретических проблем.

Буржуазия для борьбы с религией—противопоставила ей науку, которая, в свою очередь, превратилась в своеобразный фетиш—в самостоятельную ценность, в самоцель, в науку для науки, для искания вечной истины и т. д.

Отсюда попытки заменить бога абсолютной идеей, попытки, в конце концов, примирить науку с религией и т. д.

Следовательно, один фетиш сменяется другим.

Совершенно по другому подходит к разрешению этого вопроса пролетариат: нужна-ли религия пролетариату в его классовой борьбе и борьбе с природой? способствует ли она или мешает в этой борьбе? При такой постановке вопроса не может быть двух ответов: религия определенно мешает пролетариату в его борьбе, так как затемняет его сознание.

Отсюда вывод: она не только не нужна, она—вредна, она противостоит пролетариату, как оружие эксплуататоров, следовательно, с религией необходима борьба. «Всякий боженька есть труположество, будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а построенный боженька, все равно»**-). Вот как подходит пролетариат к этому вопросу.

*) На речи «О национализации банков» во ВЦИКе 2 созыва, 13 дек. 1918 г.

**) Ленин. Письма к Горькому, стр. 72

Так же практически подходил пролетариат—во время революции в России,—и к форме государственного устройства, создавая такой строй, который более мог бы обеспечить его интересы.

В нашей революции мы продвигались вперед не теоретическим путем, а практическим. Например, вопрос об Учредительном Собрании мы раньше теоретически не выставляли и не говорили, что не признаем Учредительного Собрания. Лишь позднее, когда советские учреждения распространились по всей стране и завоевали себе политическую власть, лишь тогда решили мы разогнать «Учредительное Собрание» *).

На форме государственной власти, установленной в России после пролетарской революции, необходимо, хотя-бы кратко, остановиться, так как она чрезвычайно характерна именно для пролетариата.

Как известно, пролетариат в России установил открытую диктатуру своего класса, в противовес «демократии», которую защищают еще и до сих пор социалисты всех стран. И это—не случайность. Мы уже указывали, что «демократия вообще» является не чем иным, как ширмой, флагом, за которыми скрывается диктатура буржуазии; «демократия вообще»—есть буржуазная демократия.

В противовес этому пролетариат установил свою диктатуру без всякой ширмы, без всякого прикрытия: лишил политических прав буржуазию и ее агентов, допускает к участию в выборах в советы только трудящихся, закрыл все буржуазные газеты, не допускает свободы собраний для буржуазии и т. д. Во всех отношениях прогодится ясная, четкая, отчетливая классовая политика и проводится совершенно открыто.

Эти меры, в свое время, вызвали негодование всего «культурного» (читай: «буржуазного») мира.

*) Ленин. Избранные сочинения том IV, стр. 23.

Причина ясна: пролетариат, повторяем,—класс, не заинтересованный в эксплуатации,—устанавливает диктатуру большинства над меньшинством, диктатуру для уничтожения всякой диктатуры, поэтому он не заинтересован ни в какой диктатуре, она ему не нужна. И диктатура пролетариата,—в форме советов в России,—явилась той формой государственной власти, которая наилучшим образом обеспечивает интересы пролетарской демократии. Такова диалектика фактов.

...«Пролетариат не должен бояться правды, а смотреть ей прямо в лицо, а затем делать свои политические выводы *).

В этом сущность вопроса. С этой точки зрения «величайшее варварство»—лишение политических прав целых классов населения—оказывается высшей справедливостью, самой открытой правдой; это—угнетение угнетателей, с целью уничтожения их сопротивления и борьбе за власть, с целью уничтожения всякого угнетения.

Естественно возникает вопрос, откуда и каким образом возникают и создаются у пролетариата эти характерные для него черты?

Мировоззрение каждого отдельного человека и целого класса возникает из его положения в обществе и производстве.

При капитализме пролетариату, как классу эксплуатируемому,—с одной стороны, и как непосредственному участнику процесса производства материальных ценностей,—с другой,—приходится всю жизнь, из поколения и поколение вести борьбу как внутри общества—с буржуазией за свое освобождение, так и с природой, в процессе ее изменения.

Борьба и труд (труд ведь есть тоже вид борьбы—борьба с природой), сопровождающие всю жизнь рабочего класса, закаляют его и выковывают тот новый

*) Ленин. «Избранные статьи и речи», том IV, стр. 19.

психологический тип человека, которому свойственны активность, прямота, коллективизм и т. д. Положение рабочего в производственном процессе и в обществе закаляют этот класс и дают те основные черты, на которые мы указывали выше.

Б. Основные черты новой школы.

Перейдем к основным чертам новой школы.

К этому вопросу пролетариат подходит с той же точки зрения, что и к остальным проблемам—с практической, реальной точки зрения. И так как в мировоззрении пролетариата практика и теория—две стороны одного и того же, то в школе, прежде всего, пролетариат и должен разрешить неразрешимое для буржуазии противоречие между практикой и теорией, между физическим трудом и умственным трудом.

Пролетариат—носитель идеи и фактический строитель бесклассового общества. Естественно, что и в новой школе борьба должна быть направлена на то, чтобы уничтожить, изживать, выживать из школы в процессе ее созидания все остатки классового общества, и прежде всего необходимо, очевидно, бороться с тем проклятым наследием, «которое осталось нам от капиталистического общества,—это полный разрыв книги с практикой жизни» (Ленин).

Идея новой школы возникает из системы обучения детей пролетариата при капиталистическом строе.

Вот что пишет по этому вопросу К. Маркс:

«Как ни жалки в общем постановления фабричного закона относительно воспитания, они обявили начальное обучение обязательным условием труда. (Согласно английскому фабричному закону родители не могут посылать своих детей до 14 лет в «контрольные», т. е. подчиненные фабричному закону фабрики, если они не обеспечивают им в то же время начального обучения. Фабрикант ответствен за соблюдение закона. «Обучение

на фабриках обязательно, оно—условие работы). Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики с физическим трудом, а следовательно и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора, выслушивая показания учителей, скоро открыли, что фабричные дети, хотя их обучают вдвое меньше, чем обычных школьников, обучающихся днем, тем не менее успевают пройти столько же, а часто и больше. Дело объясняется просто. Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система труда, чередующаяся со школой, превращает каждое из этих двух занятий в отдохновение и освежение после другого, и, следовательно, она много пригоднее для ребенка, чем непрерывность одного из этих занятий. Ребенок, который с раннего утра сидит в школе, особенно в жаркую погоду, не может соперничать с другим, который, бодрый и возбужденный, приходит от своей работы» *). (Курсив наш Т. К.).

Интересно, что буржуазия не могла не заметить и по своему оценила это явление. «Один наивный шелковый фабрикант заявляет члену следственной комиссии: «Я вполне убежден, что секрет того, как произвести хороших рабочих, найден в соединении труда с обучением, начиная с детского возраста. Конечно, труд не должен быть ни слишком напряженным, ни отталкивающим, ни вредным для здоровья. Мне хотелось бы, чтобы у моих собственных детей были труд и игры в качестве отдыха от школы» **).

Из этих фактов Маркс делает вывод:

«Из фабричной системы... вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, при чем это будет не только методом по-

*) К. Маркс. Капитал I, стр. 369.

**) Там-же, та же стр. Подстрочное примечание.

вышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей» *). Курсив наш. Т. К.).

Если при капитализме считалось возможным соединить с физическим трудом только начальное обучение, то, после свержения власти буржуазии, соединение этих двух элементов будет вообще во всякой школе: «Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом займет надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению, как теоретическому, так и практическому» **). (Курсив наш. Т. К.).

На этом основном пункте необходимо несколько остановиться.

Уничтожение противоречия между теорией и практикой есть уничтожение основного разделения труда в обществе, основанного на эксплуатации. Если мы с этой точки зрения обратимся к нашей современной Советской действительности, то увидим, что на практике действительно уже начинает разбиваться грань между физическим и умственным трудом, между «грязным» и «чистым», привилегированным. На долю рабочего не остается, как при капитализме, один только исполнительский труд: рабочий перестал быть только «наемным рабочим», он превращается в коллективного хозяина производства, поэтому его интересы не могут ограничиваться, как прежде, только вопросами заработной платы. Вопросы о производительности труда, организация труда, финансовые результаты производства, производственные программы, сметы—все это в настоящее время не может не интересовать рабочих.

*) Капитал I, 370-371.

**) Там же. 373.

Через свои органы, начиная с цеховых и заводских экономических-производственных совещаний, через фабрикомы и выше стоящие органы профсоюзов—рабочий активно участвует в разрешении организационных вопросов производства, обсуждает и контролирует все стороны жизни предприятия. Рабочий коллектив—из непосредственной практики в производстве—обладает большим коллективным опытом и знаниями и проявляет их при обсуждении вопросов производства. Это—начало активного участия пролетариата в работе по установлению плана и распорядка в производстве, т. е. начало участия рабочего коллектива в организационной работе, составлявшей до революции неотъемлемую функцию капиталиста.

Здесь, нам кажется, необходимо еще указать на следующее: самый факт пролетарской революции пробил брешь в той стародавней грани, которая отделяла организационные функции от исполнительских. Рабочий класс, взявший в свои руки государственную власть, вплотную приступивший к непосредственному управлению новым государством, тем самым взвалил на свои плечи и чисто организационные функции в наиболее сложном вопросе—в вопросе организации общества на новых началах. Прошедшие семь лет дают основание заключить, что российский пролетариат в общем и целом с этой задачей справился; свидетельством могут служить западно-европейские буржуазные государства, признающие ныне друг за другом Советский Союз—«законным» государственным образованием.

Далее останавливаться на этих—всем известных фактах—для нашей темы нет необходимости.

Вернемся к школе. Понятно, что процесс, происходящий в обществе, не может не проникнуть в школу, в систему воспитания подрастающего поколения.

Для того, чтобы уточнить данный вопрос, необходимо остановиться еще на одном моменте. В настоя-

щее время часто уничтожение противоречия между теорией и практикой, между умственным и физическим трудом—заменяют другим, более расплывчатым положением: «сближение школы с жизнью». Это второе положение вовсе не идентично с первым. Требование приблизить школу к жизни выдвигается и либеральной буржуазией, в частности в Америке. Сближение школы с жизнью вовсе не является уничтожением классовых противоречий, поэтому такой лозунг не может быть лозунгом пролетариата. Отделение старой школы от жизни есть плод докапиталистической культуры. Американская буржуазия, не впитавшая в себя, подобно европейской, эксплуататорской культуры докапиталистических формаций общества, в своей школьной политике проводит идею сближения школы с жизнью, чтобы приготовить активных слуг капитала.

Классовые противоречия коренятся именно в отделении умственного труда от физического, и устранение этого противоречия может быть только требованием пролетариата, а не буржуазии. Только такая школа может служить орудием переустройства общества, ибо «ясно,—говорит Ленин,—что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда» *).

Совершенно правильно, с этой точки зрения, резюмировал смысл Октябрьской революции деревенский мальчик Ванька Сафронов в рассказе Л. Сейфуллиной, который, после слов приезжего городского агитатора, прямо поставил вопрос: «стало, деревню отменят?» **).

*) Ленин. Избранные ст. и речи, том IV, стр. 132.

**) См. Л. Сейфуллина. «Перебной», стр. 47, изд. Уралкига.

Без упразднения векового разделения труда между городом и деревней, без упразднения города и деревни, как двух противоположностей, как символов классового противоречия,—не могут быть окончательно уничтожены и самые классы.

В настоящее время можно считать, что среди педагогов-марксистов эта точка зрения не встречает возражений.

Из этого следуют дальнейшие выводы: для пролетариата высшим критерием истины—является практика,—«практикой должен доказать человек истину своего мышления»; поэтому все знания, не нужные для практики, оторванные от практики, отбрасываются. Этим живительным процессом наука сразу избавляется от всего не нужного средневекового схоластического хлама. Вместе с тем преодолевается та анархия культурно-интеллектуального производства, которая свойственна буржуазии. Вот что говорит по этому вопросу Н. Бухарин: «Рабочий класс, точно так же, как он имеет тенденцию преодолеть анархию капиталистического производства, он имеет преодолеть и анархию культурно-интеллектуального производства, т. е. он отлично знает, что все так называемые культурные ценности и различные научные отрасли для максимального своего эффекта должны быть так скомбинированы, что они должны быть системой общего мировоззрения; связанность и плановость отдельных культурных отраслей на место анархии—таков первый принцип пролетарской культуры. Буржуазия в своей специализации, которая базируется в свою очередь на анархическом товарном производстве, этого понять не в состоянии. Отсюда вытекает вопрос, что она не понимает, в лице своих представителей, ученых и т. д. *практического смысла какой угодно теоретической доктрины* (курсив наш. Т. К.), тогда как рабочий класс отлично понимает практическую ценность всего, начиная от прикладной механики, кончая абстрактной теорией

познания. Он понимает, что все здесь имеет практическую ценность и служит, как орудие борьбы либо каких-нибудь классов или всего общества с внешней природой, или является орудием борьбы в руках одного класса против другого»*)).

В связи с этим мы подходим к наиболее важному и, вместе с тем, к наиболее спорному вопросу—к вопросу о разделении науки на «предметы», к разделению труда в области интеллектуального производства.

За долгий период господства буржуазии специализация, узкий профессионализм настолько укрепились во всех областях жизни, начиная от материального производства, кончая «высокой» сферой умственного труда, что это явление кажется неизменным: разделение труда кажется необходимым условием развития производительности труда. Специализация пустила настолько глубокие корни, отдельные отрасли деятельности и знания настолько детализированы, что кажется—нет никакой возможности заменить эту систему чем-либо иным, без ущерба для человеческой деятельности, для человеческого знания. В частности, отдельные дисциплины, предметы настолько отделились друг от друга, что каждый предмет представляет отдельную, замкнутую как бы цельную отрасль знания. Каждая отдельная доктрина вырабатывает свой метод, «имеет свою собственную логику» и т. д., поэтому всякая ломка установившейся системы представляется покушением на самостоятельность и независимость науки. Никакое объединение этих разрозненных отраслей знания кажется не возможным. И в самом деле, разве может охватить один человек всю систему тысячелетнего опыта человеческого общества, когда одна чрезвычайно узкая специальность требует от человека целой жизни, чтобы постигнуть до глубины эту отрасль знания. Все эти аргументы кажутся не-

*) Бухарин. «Пролетарская революция и культура», стр. 29.

опровержимыми и... немножко страшными, в особенности когда начинают клясться интересами «священной неприкосновенной науки»—этим новым фетишем буржуазии, которым она заменила феодального средневекового бога.

Необходимо глубже рассмотреть вопрос.

Во-первых точнее формулируем самую постановку вопроса: дело идет не об уничтожении *всякого* разделения труда, разделения труда «вообще», а об уничтожении *того разделения труда, которое вытекает из эксплуатации одного класса другим, которое носит эксплуататорский характер*,—это основное.

Во-вторых, откуда произошло это разделение науки на «предметы»?—Мы уже показали, что разделение труда в сфере умственного труда есть отражение раннекапиталистической эпохи, отражение мануфактурной формы в производстве. Идеология—форма общественного сознания—всегда несколько отстает в своем развитии от развития и смены форм материального производства, хотя, в конечном счете, и определяется этими последними. Вопрос об уничтожении мануфактурного разделения труда ставится уже в недрах капиталистического общества, основанного на крупном машинном производстве. Новый технический базис—машина—требует не узкого специалиста, а всесторонне развитого рабочего. Но, с другой стороны, капиталистическая форма производства, основанная на применении машины, вновь воспроизводит детальное разделение труда, прикрепляя рабочего на всю жизнь к операциям частичной машины. Само капиталистическое общество не в состоянии уничтожить это противоречие между требованиями технического базиса—машинного производства, с одной стороны, и сковывающими их социальными условиями, с другой. Таким образом, вопрос об уничтожении мануфактурного разделения труда ставится в порядок дня уже в недрах капиталистического производства. Сама природа машинного произ-

водства резко ставит вопрос и требует всесторонне развитого рабочего, осуществлению этого мешают социальные условия капитализма.

В I-м томе Капитала Маркс говорит:

«Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производительного процесса, как окончательную. Поэтому ее технический базис — революционный, между тем как у всех древних способов производства базис был по существу консервативен. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом, она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую*-).

Следовательно, изменение технического базиса, замена мануфактурного инструмента машиной влечет за собою изменение в экономической структуре общества, изменение самих производственных отношений. От фабричного рабочего требуется больше, чем от мануфактурного детальщика; узкая специализация становится недостаточной, от рабочего требуется разностороннее развитие. «Природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего»**) говорит Маркс.

Но в капиталистическом обществе осуществлению этих тенденций мешают социальные условия, которые становятся в противоречие со своим техническим базисом. «С другой стороны она (крупная промышленность Т. К.) в своей капиталистической форме воспроизводит старое разделение труда с его закосинелыми специальностями»**-).

*) Капитал I, 372.

**) Там-же.

Следовательно, уже в недрах капитализма заложены технические причины, делающие не только возможным, но и требующие уничтожения узкой специализации, узкого профессионализма, мануфактурного разделения труда. Само развитие капитализма с его противоречиями, требует от рабочих под угрозой голодной смерти от безработицы уметь приспосабливаться к различным отраслям производства, в зависимости от того, куда бросит его судьба. Капиталистические кризисы и катастрофы, сопровождающиеся массовыми отливами и приливами рабочих из одной отрасли производства в другую, вынуждают рабочего, в борьбе за свое существование, в борьбе за свой заработок, знать не одну, а несколько профессий. В том же Капитале мы читаем: «Самая крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих — за всеобщий закон общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, *заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде*; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, *заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности*» (-) (курсив наш. Т. К.*).

Так стоит вопрос в капиталистическом обществе.

Понятно, что радикальное разрешение этого вопроса капиталистическому обществу не под силу. Однако, оно не в силах и воспрепятствовать развивающейся

*1 Капитал I, стр. 373.

тенденции; ростки этого процесса пробиваются в различных направлениях. «Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, другим — промышленные школы для продолжения образования, в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства»*).

Какое благотворное влияние оказывает перемена занятий на человека, можно видеть из следующего примера, приводимого К. Марксом: «Один французский рабочий, возвратившись из Сан-Франциско, пишет: «Я никогда и не думал, чтобы я был способен заниматься всеми промыслами, которыми я действительно занимался в Калифорнии. Я глубоко был убежден, что ни к чему не годюсь, кроме книгопечатания. Попад в недра этого мира авантюристов, которые легче меняют ремесло, чем рубаху — поверьте! — я действовал, как остальные.

Так как дело рудокопа оказалось не особенно выгодным, то я оставил его и отправился в город, где я последовательно был типографщиком, кровельщиком, литейщиком из свинца и так далее. Вследствие того, что опыт показал мне, что я пригоден ко всяким работам, я менее чувствую себя молюшкой и более человеком**).

Возможность перемены профессии облегчается еще тем обстоятельством, что при машинном производстве не требуется того длительного обучения, которое было необходимо для ремесленника, когда все производство базировалось на личном искусстве и умении мастера; на фабрике машина заменяет рабочего; целый ряд операций переходит от человека к машине, все производство эмансипируется от ограниченности личности

*) Капитал I, 373.

**) Там-же, подстрочное примечание.

рабочего; на долю рабочего остается функция наблюдения и регулирования движений машины... «Та быстрота, с которой человек в юношеском возрасте научается работать при машине, в свою очередь, устраняет необходимость выработки особого класса рабочих и исключительно машинных рабочих» *).

Наиболее выдающиеся представители науки еще раньше видели всю ненормальность существующего разделения труда и воспитания, построенного на этом разделении труда. «John Bellers», истинный феномен в истории политической экономии, уже в конце 17 века с полной ясностью понимал необходимость уничтожения теперешнего воспитания и разделения труда, порождающих гипертрофию (болезненное, чрезмерное разрастание) и атрофию (захудание, уничтожение) на обоих полюсах общества, хотя и в противоположном направлении. Он прекрасно замечает, между прочим:

«Праздное учение лишь немногим лучше, чем учение праздности... Физический труд первое божественное установление... Труд так же необходим для здоровья тела, как пища для его жизни; потому что те неудовольствия, которых человек избегает ленью, постигнут его, как болезнь...»

Труд прибавляет масло в лампу жизни, а мысль зажигает ее... Пустой детский труд оставляет детский ум пустым» **).

На базисе крупного производства изменяется и система знаний. Целый ряд дисциплин (физико-математических и естественных) открыто переходит на службу капиталу: при крупных капиталистических предприятиях основываются лаборатории, исследовательские институты и проч. Работа в этих учреждениях, находясь под непосредственным воздействием требований крупного производства, приспособляясь к нему, прини

*) Капитал I, 318.

**) Там-же, 373. Подстрочное примечание.

мает другой характер, выливается в другие организационные формы, чем в чисто-научных учреждениях университетов.

«Современная промышленность, для потребности коей в первую голову работают естественно-научно-исследовательские институты, состоит отчасти из колоссальных предприятий.

Практически организационный дух в американском масштабе неизбежно отражается на практике этого организованного под его влиянием теоретического исследования.

При этом обнаруживается, что сложные проблемы могут быть разрешены лишь путем сотрудничества многих математиков, физиков, химиков, геологов и так далее*» (курсив наш. Т. К.).

Таким образом закладываются новые основы научно-исследовательской работы, которая принимает коллективный характер. Следовательно, сближение отдельных научных дисциплин, взаимодействие их, необходимость комбинирования знаний, соответственно практическим заданиям и требованиям, вызываются крупным производством.

Так обстоит дело в производстве и в соприкасающихся с ним областях научного исследования.

6. Комплексный метод и его значение.

После этих предварительных замечаний перейдем к новой школе в наших конкретных условиях и к тем мероприятиям, которые проводятся в настоящее время во всех советских школах различных типов.

Основные педагогические мероприятия группируются в настоящее время вокруг комплексного метода.

В чем сущность комплексного метода?

*) Витфогель, 19.

Большинство преподавателей оценивает этот вопрос только с точки зрения педагогической, с точки зрения «увязки» между отдельными предметами при их преподавании.

С этой точки зрения комплексный метод не представляет ничего принципиально нового: в начальных школах «при обучении детей сочетание (комплекс) или слияние обычно разграниченных предметов или наук, например, совмещение русского языка с историей, географией, естествознанием и т. д., сочетание математики с механикой, химией и географией и т. д. — практиковалось и раньше, в дореволюционное время.

Вместе с тем на комплексный метод установился своеобразный пренебрежительный взгляд «ученых» педагогов, которые авторитетно заявляют; «что комплексный метод вполне применим для обучения детей, пожалуй, доскаты, и для малограмотных рабочих»... «Но ведь это не наука, а слабый суррогат ее для слабо развитого интеллекта»*).

Подобные рассуждения напоминают давно знакомое высокомерие «ученых» над «неучеными», о котором мы уже говорили выше.

Нам кажется, что вопрос стоит иначе; комплексный метод означает нечто большее, чем только педагогический прием, он означает начало нового строительства новых форм самой науки.

Каждое новое строительство начинается с ломки старого, поэтому и в этой области необходимо прежде всего начать ломать перегородки, созданные веками между отдельными предметами.

Русская революция, если не уничтожила окончательно классов, то, во всяком случае, сломала перегородки между ними. В области идеологии это разрушение тоже необходимо произвести...

*), „Уральский Коммунист“ № 6, Л. Суница.

...«Перестраивать придется всю систему преподаваемых наук, их охват, содержание и, главное, систему разделения наук. Сонм преподавателей старой школы восклицает: «Вы хотите разрушить, разбить всю старую систему наук. Однако, *создайте сначала свою новую систему* в сколько нибудь законченном виде, чтобы мы могли ее видеть, сравнивать и оценивать ее преимущества над старой системой»*). Нелепое требование, знакомые слова реакционеров всех времен: создайте сначала коммунистическое общество, рядом с капиталистическим, а мы посмотрим и решим, что лучше...

Л. Суница правильно продолжает: «А в 1917 году разве не обвиняли нас, большевиков, в смертном грехе — в разрушении *старой царской армии*, в то время, как своей *новой* армии большевики, дескать, еще не создали. Теперь уж всем ясно, что разложение и уничтожение царской армии было первой *предпосылкой* для создания Красной армии, а потому не могло быть отложено, к примеру, до 1923 года.

То же самое со старой буржуазной системой хозяйства, которую мы основательно таки разрушили уже в 1917 и 1918 годах, а между тем новой своей хозяйственной системы еще не создали или не закончили и к 1923 году.

В области науки также революция *сначала* разрушает старое, а *потом* лишь создает новое**).

Далее тов. Суница приводит свои личные воспоминания; некоторые из них мы считаем необходимым привести. «Я припоминаю ту ярость, с какой математики старой школы набросились на Д. Галагана, когда он в докладе на I Всероссийском съезде преподавателей математики (в Пигере в 1911 году) предложил построить преподавание математики в младших классах на основе измерений (длины, площади, времени), взвешиваний,

*) «Ур. К.» № 6. Л. Суница.

**) «Ур. К.» № 6, 1923 ст. Л. Б. Суница.

физических и химических опытов и изменить соответственно с этим, совершенно не научные и совершенно не педагогические киселевские определения арифметических действий. Возбуждение, вызванное докладом Галагана, станет для нас понятным, если мы уясним себе, что так называемый комплексный метод затрагивает не только область методики, то-есть способы *преподавания*, но также и область *методологии*, то-есть методов самой *науки*. Комплексный метод подкапывается под самое «святое святых» буржуазной науки, он подрыывает столпы священной системы установившегося разделения науки»*)).

Как и всюду при капитализме технические вопросы неизменно облачаются в социальные одежды. Техническое разделение труда является не только способом повышения производительности труда, но и способом закрепления капиталистической системы эксплуатации, поэтому наша «главнейшая и труднейшая задача — это разломать традиционные перегородки между разобщенными науками и сокрушить *эксплуататорскую систему разделения наук*»**).

С марксистской точки зрения комплексный метод принципиально ничего нового не представляет — это есть диалектический метод.

В самом деле, диалектический метод — это способ рассматривать явления в их связи и взаимодействии с другими явлениями, в их конкретности и так далее.

Возьмем определение диалектики Ленина: «Диалектика требует *всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдерживания кусочка одного, кусочка другого*». (Курсив наш, Т. К.).

Дальше Ленин продолжает эту мысль: «Логика формальная... берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего

*) „Уральский Коммунист“ № 6. ст. Л. Б. Суницы.

**) Там-же.

бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно,... то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только.— Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше.»

«Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), «изменении»... В-третьих, *вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критикой истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку.* В четвертых, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить вслед за Гегелем покойный Плеханов*) (Курсив наш. Т. К.).

Но здесь возникает новый вопрос, как же преподавать «новую науку», новую систему знаний, когда еще сама система не создана, следовательно, и не написаны соответствующие учебники. «Дайте нам эти новые учебники»,— говорят педагоги—«и мы охотно будем по ним преподавать»...

Но это, по меньшей мере, недоразумение, непонимание сущности происходящего процесса.

Надо полагать, что новая система знаний, во-первых, будет преподаваться не по-старому, не по учебникам, а каким-то иным способом; во-вторых,— сама система знаний будет создана, очевидно, не старым способом, не в уединенных кабинетах ученых, а тоже как-то по-

*) Ленин. „Еще раз о профсоюзах“. Собр. соч., том XVIII, стр. 57, 60.

другому. Если бы можно было, по заказу Наркомпро-
са, создать новые учебники, можно быть уверенным,
что они были бы созданы, но дело в том, что все новое,
и особенно новое по социальному содержанию,—
делается не по указке сверху, а соответствующим
общественным классом: *новая система знаний будет
создана пролетариатом.*

Последнее утверждение вызывает больше всего
недоразумений. Ученые представители буржуазии, даже
наиболее талантливые из них, спрашивают: «Этот
рабочий класс, который совершенно ничего не знает,
каким-то образом навалит на свои плечи уничтожение
анархии культурно-индивидуального производства. Но
это безвыходное противоречие. Эту анархию сможет
устранить только тот, кто что-нибудь понимает в этой
работе, а если человек ничего не знает, то как он будет
эту анархию устранять»*)—спрашивает академик Пав-
лов. И дальше Павлов продолжает: «люди вообразили,
что они, несмотря на заявление о своем невежестве,
могут переделать все нынешнее образование».**)».

На это Н. Бухарин резонно отвечает:

«Знал ли рабочий класс дело управления государ-
ством?

Не знал. «Кухаркиных детей» держали подальше
даже от школы. Был рабочий класс неучем по сравне-
нию с буржуазией?—Был. «Навалил»-ли он на свои пле-
чи управление государством? — «Навалил»...

«Другой пример. Знал ли рабочий класс, как строить
армию? Не знал. Офицерский корпус вербовался не
из рабочих, как это хорошо известно и Павлову, а,
главным образом, из благородного дворянского сосло-
вия. Генералов из рабочих тоже, как будто, было мало-
пато—не так-ли? Что касается неучей-революционеров,
то им не приходилось командовать армиями. А вот

*) Н. Бухарин. «Ответ академику Павлову», стр. 45—46.

**) Там-же, стр. 48.

поди ж ты. «Навалил». И, представьте себе: армию построил, ею командовал, победоносно вел ее в бой и получил от противника признание полное, «безоговорочное»...

«Опять таки, что за чудо?... «А загадка опять просто решается: научились, академик Павлов!»...

«Третий пример. Управлял-ли рабочий класс промышленными и торговыми единицами, банками, кооперативами и так далее?».

«Нет. Был неучем. Много глупостей делал, когда за это дело взялся. А теперь уже *подучился*, стал на ноги. *Продолжает* учиться, но уже уверенно стоит на совершенно новой для него почве».

«А теперь спросим себя: во всех этих областях внес рабочий класс что-либо свое, новое? Ясно, что внес: Красная армия — далеко не то, что белая; советская система совсем не похожа на так называемые парламентские государства; наше хозяйство весьма далеко от частного хозяйства буржуазии. И так далее и тому подобное».

«Теперь интересно знать, почему же *культура* снабжена таким «табу», что здесь «неучи» ничему не смогут научиться? В частности, в отношении изменения образования Бухарин заключает: «И переделаем таки, как нам нужно, обязательно переделаем. Так же переделаем, как переделали самих себя, как переделали государство, как переделали армию, как переделываем хозяйство»^{*)}).

Где и как, конкретно, будет создаваться новая система знаний? Мы полагаем, что той лабораторией, где будет «преподаваться» наука по новым принципам, на новых началах — будет рабочая аудитория; наука будет создаваться снизу — на *границе соприкосновения науки с рабочим классом*, а не сверху. Вот почему

^{*)} Бухарин. «Ответ акад. Павлову».

приобретают особый интерес те типы школ, где обучается, главным образом, рабочая молодежь, взятая непосредственно от производства,— рабфаки, комвузы, совпартшколы и проч.

Основные принципы построения новой системы для нас ясны. «Практикой должен доказать человек истину своего мышления». Практика — производственный опыт учащихся — должен быть исходным пунктом новой педагогической работы.

Пролетариат, как класс, имеет все данные для того, чтобы влить новое содержание в область культуры.

Как известно, отличительные черты пролетариата, как класса, в основном, сводятся к следующему: 1) активность, 2) коллективизм, 3) практицизм и 4) конкретность мышления.

Все эти черты выковываются у пролетариата в силу занимаемого им положения в капиталистическом обществе: он непосредственный участник производства, создатель материальных ценностей; его жизнь и деятельность — постоянная борьба; создавая материальные ценности, пролетариат постоянно изменяет материал, борется с природой; в процессе классовой борьбы и революции пролетариат выковывает активность воли и в борьбе со старыми формами общества. Вот два основных момента, налагающие соответствующий отпечаток на психологию пролетариата. Дальше, процесс производства при капитализме носит общественный характер: отдельный рабочий является частью того рабочего коллектива, который создается на крупных предприятиях. Коллективизм психологии пролетариата — следствие общественного характера труда, в котором он участвует. Последнее, рабочий больше человек действий, чем слов; ему всегда приходится иметь дело с определенными, конкретными вещами или людьми, отсюда у него нет той оторванности мысли от практики, которая, как мы указывали, свойственна людям умственного труда.

Вот эти черты пролетарской аудитории и должны быть положены в основу построения учебных планов и программ в тех школах, где преобладает рабочая молодежь.

Если всю систему знания приспособить так, что исходным пунктом работы будет служить производственный и революционный опыт пролетариата то, естественно, отпадают прежде всего те части абстрактно-теоретических знаний, которые имеют целью искание мифической абсолютной истины; останется только то, что ценно для практики.

«Если *исходной* точкой для построения учебных планов или программ в рабочей аудитории должен служить производственный и организационный опыт, а также умственные запросы людей физического труда, то непосредственной *целью*, к которой должна приводить вся система учебного материала, является будущая практическая деятельность студента, умение ориентироваться в конкретной действительности (а не только в книгах и теориях) и подвергать ее постоянным изменениям. В опытах такой педагогической работы готовятся и вырабатываются основы новой будущей (социалистической или коммунистической) системы наук»*).

В переходный период от капитализма к коммунизму вопрос о постановке народного образования имеет громадное политическое значение, так как рабочей молодежи грозит опасность — оторваться от своего класса, деклассироваться. Н. Бухарин ставит вопрос шире: «Всякой рабочей революции, в какой угодно стране, неизбежно в ходе развития ставятся громадные опасности внутреннего перерождения данной революции, данного государства пролетариата, данной партии. Ибо, если рабочий класс является культурно-отсталым и становится у власти, он неизбежно должен пользо-

*) «Ур. К.» № 6, 1923, ст. Л. Суницы.

ваться другими силами, которые ему социально враждебны, но которые культурно стоят выше его.

Отсюда получается возможность реставрации!*)

Поэтому особенно актуальной становится проблема правильной постановки дела просвещения.

Много раз цитированный нами тов. Суница пишет по этому вопросу: «Окончательная победа пролетарского государства над капиталистическим миром, в условиях длительного экономического взаимодействия между Советским Союзом и капиталистическим окружением, возможна только в том случае, если пролетариат сумеет пустить в ход все «могущественнейшие средства переустройства современного общества» — если он сумеет из системы просвещения выковать себе средство для развертывания всей своей скрытой энергии, орудие для борьбы и победы.

Вся колоссальная сумма производственных навыков, смекалки, наблюдательности, в течение многих десятилетий накапливавшаяся рабочим классом, должна стать исходным пунктом для развития системы народного образования. Тогда не страшен ему будет «гранит» науки и культуры, нарочно созданный эксплуататорским обществом так, чтобы рабочий класс сломал себе зубы, при первой попытке его отведать. Тогда пролетариат сможет развернуть скрытую в индивидуальных навыках энергию, которую по количеству можно уподобить раскрываемой теперь внутри-атомной энергии материи.

Предчувствие всей потенциальной мощи рабочего класса в области культуры иногда проскальзывает и в словах буржуазных ученых. Профессор Джон Перри, в своей книжке «Вращающийся волчок» (Изд. Matssue, Одесса 1908, стр. 17-18) между прочим пишет, «Научное наблюдение самых обыкновенных явлений:

*) Н. Бухарин. «Пролетарская революция и культура», стр. 33.

которые встречаются в нашей повседневной жизни, никогда не пропадает даром, и часто я чувствую, что если бы рабочие, то-есть те лица, которые наиболее освоились с неорганизованной природой, умели наблюдать и применять простые научные законы к своим наблюдениям, то, вместо одного великого открытия в столетие, мы имели-бы по великому открытию каждый год».

Перспективы технического и экономического развития Советского Союза колоссальны, однако, при неперменном условии, что мы сумеем построить дело народного образования на основе соединения обучения с материальным производством», сумеем преодолеть исконное противоречие между теорией и практикой, создадим систему просвещения, которая бы развернула, скрытые силы рабочего класса»*).

В связи с этим и способ преподавания в пролетарской аудитории не может остаться без изменения: радикально должна измениться и роль преподавателя.

Если в старой школе мы имели различные способы *передачи* знания учителя своим ученикам, то в новой школе активная аудитория не может удовлетворяться ролью пассивного восприятия преподносимых знаний. На активности рабочей аудитории и необходимо строить систему нового преподавания.

В настоящее время старые способы—лекция, рассказ—сменяются целым рядом новых методов—семинарским, лабораторным и другими.

Не входя в детальное обсуждение этого вопроса, к сказанному выше необходимо добавить только следующее.

Все перечисленные методы по существу есть только *улучшенные способы передачи готовых знаний*. тех, которые имеются в голове преподавателя или в соответствующих книгах. Поясним сказанное примером.

*) «Студ.—Рабочий», № 4—5, Л. Суница.

Если преподаватель подыскивает факты и примеры, чтобы на них, вместе с учащимися, сделать индуктивный вывод, помогая при этом аудитории, путем наводящих вопросов, идти по намеченному преподавателем пути, то ведь здесь только иллюзия самостоятельного отыскания ответа на соответствующий вопрос. Ведь в голосе преподавателя на самом деле, ход мыслей — обратный описанному: вывод заранее у преподавателя уже имеется и к нему, к уже готовому выводу — подбираются подходящие примеры, чтобы дать учащимся иллюзию самостоятельного решения поставленной задачи. Этого недостатка указанные, новые, несомненно улучшенные способы преподавания, избежать не могут. По существу, социальное содержание преподавания не изменяется: учитель — носитель знания — передает не знающим, правда, другим, так сказать более демократическим путем, то, что он знает; остается все же прежнее соотношение, прежнее разделение людей на знающих, не знающих и т. д., это во первых, Во-вторых, главным источником знания, попрежнему, остается книга, которая закрывает собою сложную и многогранную действительность.

Нам представляется, что система приобретения знаний в новой школе, в рабочей аудитории должна носить принципиально другой характер.

Дело должно быть поставлено таким образом, чтобы работа действительно носила исследовательский характер, характер самостоятельного добывания знаний, при этом, вывод, как искомая величина, должен быть новым, незнакомым и интересным не только для учащихся, но и для учителя: преподаватель работает на ряду с учащимися, отличаясь от них только большим опытом, умением ориентироваться в данной конкретной жизненной обстановке. В такой совместной работе получается интересная, новая форма взаимодействия между аудиторией и преподавателем: преподаватель не только учит, но и учится у аудитории,

которая, как коллектив, обладает достаточным количеством приобретенных в жизни сведений.

По отношению к взрослой рабочей аудитории необходимо, конечно, оставить прежний взгляд, что душа ученика — это лист белой бумаги, на которой можно писать все, что угодно; особенно это относится к рабочей аудитории, имеющей часто большой жизненный опыт производственной работы и общественной борьбы.

Необходимо также отрешиться от взгляда, что единственным или главным источником знаний является книга; это остатки идеализма старой школы: книга есть только бледное отражение жизни. Книга не может заменить жизнь, как и лаборатория не может заменить завод.

Наилучшим источником знания и умения, — а эти две стороны должны быть объединены в новой школе, — в противоположность прежнему положению вещей, где эти две, казалось-бы, неразрывные части одного целого, были достоянием двух различных классов, — является производственная практика, практика борьбы человека с природой и практика общественной борьбы.

Еще давно, кажется, в древней Греции, было замечено, что есть три способа получения знаний: первый и лучший — сделать самому, второй — видеть, как делают другие и третий, наихудший — слышать об этом от других людей.

В наших школах до сего времени еще господствует этот третий, наихудший способ, ибо чтение книг, или рассказ — лекция учителя это и есть, так сказать, способ пользоваться свидетельскими показаниями третьих лиц.

В новой школе дело должно быть организовано так, что вся система обучения должна состоять в решении практически-жизненных задач, выдвигаемых интересами хозяйства и интересами общественной борьбы.

При решении этих задач роль преподавателя существенно изменяется: из *учителя* он превращается в

организатора коллективной работы учащихся, в которой сам непосредственно участвует. Здесь, вокруг вопросов производства и вопросов классовой борьбы, поскольку последняя еще существует, и создается тот естественный комплекс знаний, который практически необходим для человеческой деятельности.

Именно, исходя из потребностей производства и борьбы нужно строить новую систему знаний, новую науку. «Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений равно ничего не стоит», говорит Ленин*).

Тогда мы избежим той искусственности, которая нередко встречается, в вопросе о комплексном методе. А эта искусственность, обычно, заключается в следующем: из всех предметов выбирается один — стержневой, и вокруг него группируются остальные, при этом делаются напрасные усилия соединить эти предметы в единое целое. Задача явно неразрешимая. Это — явное извращение, совершенное непонимание сущности комплексного метода. Существующие предметы уже потому одному не могут быть объединены, что в каждом из них много излишнего балласта, масса ненужного материала и так далее.

Пробным камнем для всех этих «предметов», для их оценки должна явиться человеческая практика, которая безошибочно отсекает все то, что является излишним.

Понятно поэтому, что все попытки установить так называемый стержневой главный предмет и около него концентрически расположить остальные отрасли знания, эти искусственные попытки кончились неудачей. *Нужно разбить прежде всего грани, отделяющие один предмет от другого.* Естественным стержнем, вокруг которого должно концентрироваться все знание должно быть крупное промышленное производство, как высшая в настоящее время форма борьбы челове-

*). Речь на III-м Всеросс. Съезде РКСМ.

ческого общества с природой, как комплекс производственных отношений и как форма коллективного труда.

Отсюда, от форм производства, основанных на базе машинной техники — ближайший путь к бесклассовому обществу, отсюда, естественно, и необходимо начинать строить воспитание подрастающего поколения.

В этом направлении, главным образом, и работает у нас в настоящее время педагогическая мысль, чтобы сдвинуть с тупика нашу школу.

Постановлением ректорского совещания в декабре 1922 года задачи комуниверситетов в области учебной работы были формулированы следующим образом:

Развертывающаяся борьба за высшую школу и науку выдвигает перед нами основные задачи: 1) систематическое увеличение коммунистических и пролетарских элементов в составе высшей школы и центров научной работы и 2) переработку учебного материала в духе марксизма и действительной потребности пролетарского государства, в работниках того или иного типа. С точки зрения этих задач коммунистические университеты имеют существенные преимущества сравнительно с другими В. У. З.

1) Они являются местом большей концентрации коммунистических сил.

2) Центр тяжести всей их научно-учебной работы должен находиться в области общественных наук, где методология марксизма нашла свое наиболее полное и плодотворное приложение.

Поэтому в коммунистических университетах в первую очередь возможно создание условий, обеспечивающих нашу идейную гегемонию, как в методологическом, так и в организационно-учебном отношении. Такое положение превращает коммунистические университеты в одну из главнейших баз строительства, проникнутого духом марксизма и науки. При этом необходимо помнить, что намечаемая проработка учебного материала на почве диалектического материализма в тех областях